

Екатерина ШАШКОВА

ИСТОКИ НЕПРИЯТНОСТЕЙ

16+

«Исток», часть вторая

Исток

Екатерина Шашкова
Истоки неприятностей

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шашкова Е.

Истоки неприятностей / Е. Шашкова — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Исток)

Все измеряют время по-разному: от сессии до сессии, от приключения до приключения, от приступа до приступа. Все ищут разное: собственное имя, неизвестных врагов или возможность хоть немного продлить жизнь. Все добиваются цели разными способами... Впрочем, нет! Способ общий: упасть в круговорот событий и пытаться не захлебнуться, пока безумная река несёт жертву к истоку неприятностей. Вторая часть цикла "Исток".

Содержание

Пролог, в котором все ещё живы	5
Глава первая, в которой у Алины ничего не получается	7
Глава вторая, в которой Ракун вспоминает, что у него есть враги	13
Глава третья, в которой Алина получает неожиданное предложение	19
Глава четвёртая, в которой ищут информацию, а находят неприятности	29
Глава пятая, в которой жизнь сотрудников разведуправления идёт своим чередом	37
Глава шестая, в которой герои игнорируют здравый смысл	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Пролог, в котором все ещё живы

В оформлении обложки использована иллюстрация Юлии Орловой (<https://www.behance.net/fcnjt>).

Порядок чтения:

1. Река ведет к Истоку
2. Истоки неприятностей
3. (в процессе)

* * *

Пролог, в котором все ещё живы

18 лет назад

Если бы Гале предложили назвать самый счастливый момент в жизни, она выбрала бы именно этот.

Тёплый летний вечер. Просторный светлый кабинет. Огромное кресло, в которое можно забраться с ногами. В соседнем сладко сопит дочь – где играла, там и уснула. А за столом любимый муж, обложившись записками и книгами, увлечённо переписывает своё исследование начисто. В третий, кажется, раз. Или в четвёртый.

У Ри был ужасный почерк, Галя постоянно предлагала ему помощь, но он упрямо отказывался. Может, и правильно делал. Потому что, несмотря на категоричные заявления «Ну, теперь точно всё идеально!», во время каждого переписывания периодически раздавалось «Как я мог забыть?» и «Какой же я идиот! Всё не так!»

Но в этот раз работа проходила в полной тишине, лишь изредка нарушаемой шелестом бумаги. Под этот шелест и самой хотелось что-то писать, поэтому Галя пристроила на коленях толстую тетрадь, на обложке которой размашисто значилось «Дневник».

На самом деле это был не совсем дневник. Скорее, сборник писем, адресованных Нине, но так и не отправленных. Там, в письмах, было всё: про жизнь и любовь, про Исток и магию, про Ри и Алинку. И про то, как ужасно, безумно Галя соскучилась по сестре. Всё-таки три года не виделись, а раньше почти не расставались.

Но ничего, совсем немножко осталось! В столе уже лежало разрешение на выезд из Истока – свеженькое, со всеми необходимыми подписями и печатями. Отправиться на родину можно было хоть сегодня, они и собирались сегодня (вместе с Ри, который не хотел отпускать жену в одиночку), но работа внесла свои коррективы.

Тивасар жаждал видеть семейную чету в лаборатории и отказа не принял бы ни в каком виде.

Галя поморщилась. Начальника она не любила. Благо, пересекаться с ним доводилось не так уж и часто. Обычно его вполне устраивали ежемесячные отчёты об исследованиях. А тут вдруг нате вам: срочно, на ночь глядя, да ещё и секретно. И что только этому хмырю понадобилось? И главное: удастся ли управиться с делами до завтра?

Потому что завтра – точно домой! На несколько дней! И никто не помешает!

– Я закончил! – объявил Ри, припечатав ладонью стопку листов. Хлопок вышел такой гулкий, что в шкафу звякнули стёкла.

– Тихо ты, ребёнка разбудишь, – шикнула Галя. Соскользнула с кресла, подошла к столу, с любопытством уставилась на почти аккуратные записи. – Совсем всё? То есть, до конца?

– Теоретически – да. А практически... Пока не попробуем – не узнаем. Так что надо поймать братишку за хвост и проверить.

– Думаешь, он согласится?

– Конечно, нет. – Ри вздохнул. – Но, может, поймёт, что это для его же блага и безопасности.

Галя многозначительно хмыкнула. С её точки зрения, слово «безопасность» Ракун вообще ни разу не слышал, более безалаберного человека найти было сложно. Но не насильно же над ним эксперименты проводить!

С другой стороны, лучше над ним, чем над дочерью.

В дверь осторожно постучали.

– Да, Марина, заходите, – махнул рукой Ри, торопливо сгребая в одну кучу рассыпанные по столу бумаги, все вперемешку: черновики, чистовики, случайные записки и даже утреннюю газету.

В кабинет просочилась няня, умилённо посмотрела на спящую в кресле Алинку и осторожно подхватила малютку на руки.

– Какая же она хорошенькая! И как на вас похожа, господин Эллерт.

Дочка действительно удалась в отца: темноволосая, кареглазая, безумно обаятельная. И совершенно неугомонная. Тем приятнее были моменты, когда этот маленький ураган внезапно затихал, превращаясь в обычного ребёнка.

– Там брат мой не появился? – мимоходом поинтересовался Ри, запихивая рассыпающуюся стопку бумаги в сейф. Туда же отправился выдернутый из рук Гали дневник, хотя уж в нём-то точно не было ничего секретного.

– Нет, как ушёл после обеда, так пока не возвращался.

– Если вдруг увидите его, передайте, чтоб меня дождался. Или нет, лучше ничего не говорите, а то точно сбежит. И спокойной ночи вам с Алинкой. Надеюсь, она будет вести себя хорошо.

Судя по вздоху няни, она тоже надеялась на это, но не особо верила. Хотя пока что малышка мирно сопела, и Марина, поудобнее перехватив подопечную, покинула кабинет. А его хозяин, хлопнув сейф, повернулся к жене:

– Готова?

– Всегда готова, как пионер, – улыбнулась Галя.

– Тогда пошли. – Муж галантно предложил ей руку и тоже не смог удержаться от улыбки. Улыбка у него была удивительная, тёплая и светлая.

И вечер был тёплый и светлый.

И на душе у Гали было тепло и светло. Казалось, что так будет всегда.

До взрыва в лаборатории оставалось два часа.

Глава первая, в которой у Алины ничего не получается

Дождь шёл уже третий день – то лил, как из ведра, то едва моросил, но не прекращался ни на минуту. Настроение было под стать погоде: хмурое, слезливое, осеннее.

Тем не менее на дворе был март.

Здесь март.

Март в Истоке наступал после весеннего равноденствия, так что основная его часть приходилась на обычный человеческий апрель. Тут главное было не перепутать его с местным апрелем, который считался осенним месяцем. Зато октябрь, например, стоял на привычном месте и даже заканчивался, как положено, Самайном.

Именно по праздникам Алина и ориентировалась первое время, когда переводила даты в нормальный вид и обратно. Потом привыкла (всё-таки девять месяцев прошло), но пометки на календаре так и остались. Под сегодняшним числом, например, виднелась карандашная подпись «1.04».

Первое апреля, день дурака. Идеальная дата для окончания новогодних каникул.

Да, Новый год в Истоке праздновали весной.

Без ёлки, без мандаринов, без сугробов! А в этом году – ещё и с затяжным дождём.

Алина с надеждой выглянула в окно, но дождь никуда не делся.

Фелтингеры тоже.

Шкафоподобным бритоголовым близнецам погода, кажется, нисколько не мешала. Они уже больше часа торчали в парке, поджидая жертву. Из-за этого Алина пропустила занятие по истории, но следующим уроком в расписании стояли основы магических структур, прогулять которые было никак нельзя! Гатиг потом со свету сживёт и к экзамену не допустит!

Нет, на самом деле профессор был неплохим старикашкой, и к юной магиссе относился очень тепло. Ещё бы не относился, она же ему жизнь спасла! Но на занятиях все прежние заслуги отходили на второй план, и Гатиг требовал от Алины едва ли не больше, чем ото всех остальных вместе взятых.

«С такой наследственностью вы просто не имеете права хлопать ушами на галёрке!» – заявил преподаватель на первом же уроке, заставив девушку пересесть ближе. – «Не вздумайте посрамить имя вашего отца, он был одним из лучших моих учеников!»

«Зато дядя – одним из худших», – пробормотала студентка, обречённо переселяясь за первую парту.

Сама Алина никаких талантов в себе не замечала, особенно в местных аналогах программирования. Она и в прошлой-то жизни такие предметы тянула еле-еле, и после обретения магии легче не стало.

Если уж начистоту: стало намного сложнее.

Магия вообще оказалась сложной штукой. Особенно для того, кто родился и вырос в другом мире. И для того, кто не знает собственного имени.

Алина покосилась на часы (до занятия осталось десять минут) и решительно натянула резиновые сапоги и плащ с капюшоном. Сапоги были пронзительно-жёлтые, плащ – ярко-синий. Ко всей этой цветовой какофонии явно требовался красный шарф, но для этого пришлось бы снять зелёный шейный платок. Впрочем, платок тоже неплохо вписывался.

Хоть какое-то средство от окружающей серости.

Ещё бы от Фелтингеров средство найти...

Близнецы, как и ожидалось, никуда не делись. Завидев Алину, они довольно осклабились и направились напрямиком к ней – один по лужам, второй по газону.

Выглядели они как стереотипные гопники, разве что одеты не в китайский «Abibas», а в местный аналог спортивного ширпотреба. Что характерно – тоже с полосочками. В другой момент Алина бы первая посмеялась над такой трогательной любовью представителей разных миров к похожим шмоткам, но сейчас ситуация к шуткам не располагала.

– Кого я вижу! – радостно провозгласил старший братец (от младшего он отличался свежей ссадиной на левой щеке и татуировкой «Прим» на бритом затылке).

– Почему так долго? Мы соскучились! – поддержал его младший (ломаный нос и татуировка «Сек»).

– Мы уже думали, что ты от нас прячешься!

Близнецы наконец-то добрались до Алины и «приветственно» припечатали её ладонями по спине, да так, что девушка едва не упала.

– Отвалите, а? – сквозь зубы процедила она, надеясь, что ладони были чистые. А то могли ведь и краской вымазать.

Чтоб пройти через парк до учебного корпуса требовалось не больше пяти минут. Но как пережить это время, не растеряв остатки собственного достоинства? И вокруг, как назло, никого из тех, кто мог бы приструнить двух великовозрастных идиотов.

Хотя совсем уж идиотами Фелтингеры не были. Для того, чтоб не нападать при свидетелях, мозгов им вполне хватало.

– Ой, какие мы грозные! И что ты нам сделаешь, внешка? Испепелишь взглядом?

Братцы, сами о том не зная, оказались неожиданно близки к истине. Испепелить их Алина очень даже могла. Правда, это было бы последнее действие в её жизни.

Об этом её предупредили весьма однозначно.

Любое колдовство без помощи камня в Истоке – мучительная смерть. Сразу же. Без вариантов.

Нельзя использовать, нельзя упоминать, нельзя снимать кольцо. Никогда.

Умирать Алине не хотелось, поэтому она ограничилась тем, что мысленно пожелала Фелтингерам испепелиться без её помощи. Или хотя бы слегка поджариться. Ровно настолько, чтоб отпала охота докапываться до первокурсников.

Приставали братцы, конечно, не ко всем, а только к тем, кто не мог дать отпор: к девчонкам, к выходцам из дальних миров, к отщепенцам без связей и влияния. С этой точки зрения Алина была идеальным кандидатом.

К Нине задиры, что характерно, не цеплялись, но не бежать же к тёте за помощью! Стыдно! Да и чем она поможет? Пальцем погрозит? А несчастную племянницу потом засмеют, ещё хуже будет.

Можно, конечно, пожаловаться Ракуну, вспыльчивый дядюшка вполне в состоянии закатать обидчиков в асфальт и сказать, что так и было. Но дядюшка за стенами школы, а Фелтингеры – внутри. И Алина внутри. А значит, в случае чего братцы будут отыгрываться именно на ней, и тогда уж точно испачканным плащом или порванными тетрадками не отделаться.

– Так что? Что ты сделаешь? – напомнили о себе близнецы. – Закричишь? Заплачешь? Заплатишь? Если заплатишь – мы даже оставим тебя в покое. Ненадолго.

Лучше всего было бы не реагировать, идти молча и не обращать внимания на этот великовозрастный татуированный детский сад. Но Алина не выдержала, злобно бросила:

– Что вам надо?

– О-о-о, – довольно протянул Прим. – Вот это другой разговор! Денег у тебя всё равно нет, но можешь расплатиться, например, конспектами по проклятиям. С расчётами и решениями. Ты делаешь нашу курсовую – мы тебя не трогаем. Идёт?

– Рехнулись? Я вообще на другом потоке и ничего в ваших заморочках не понимаю!

Это было правдой, иномирцы и коренные жители Истока учились по разным программам: чаще всего первых приходилось подтягивать до уровня вторых, а то и вообще объяснять

базовые понятия, которые местные усвоили ещё в детстве. В итоге начальный год обучения для переселенцев типа Алины превращался в увлекательный квест «пройди в ускоренном режиме весь курс школьной программы и ещё немножко». Какие уж тут конспекты по проклятиям?

(Хотя Нина как-то успевала заниматься и ими тоже.)

– Слышь, она не учит проклятия! – Сек пихнул брата локтем в бок. – Давай другое придумаем. Можно, например, утром завтрак нам носить из столовки. Просыпаешься, а на столе кофе, булочки...

– Яичница! – так мечтательно подхватил Прим, будто подгорелый омлет был любовью всей его жизни.

Алина всерьёз задумалась, не согласиться ли на предложение. Не то чтоб ей так уж хотелось таскать еду от столовки до общаги под вечным дождём, но зато по пути можно плюнуть в чужую тарелку. Или слабительное подлить.

Близнецы, видимо, подумали о том же самом, потому что синхронно замотали головами и гадливо захихикали. Похоже, их осенила очередная гениальная идея. Кто бы сомневался!

– Не надо яичницу! – объявил старший. – Просто так приходи. А?

– Можно даже не каждый день.

– Раз в неделю. Нет, два раза. Но на всю ночь.

– Эй, внешка, чего морщишься? Другие спят и видят, чтоб к нам в постель запрыгнуть, а она нос воротит!

– Не бойся, тебе понравится.

– А не придёшь добровольно – хуже будет, так и знай.

Голоса слились в монотонный гул. Алина, пытаясь не вслушиваться, быстро шагала к учебному корпусу. Совсем немножко осталось. Добраться до дверей, нырнуть внутрь – и они отстанут, отправятся на поиски новой жертвы. По крайней мере, до окончания занятий.

Но тут Прим схватил девушку за капюшон и резко дернул назад.

– Почему не слушаешь, когда с тобой люди говорят?

От рывка перехватило дыхание, Алина машинально коснулась рукой шеи, нащупала платок, вспомнила, при каких обстоятельствах его получила... и сама удивилась собственному поведению!

Настоящих бандитов в карты обыгрывать она, значит, не боялась, а перед двумя оборзевшими ровесниками почему-то трусит.

В самом деле, сколько можно бегать?! Не убьют же они её! Это учебное заведение, а не тёмная подворотня! Одна жалоба – и обоих вызовут к директору, невзирая на происхождение и покровителей.

И, к слову, кто сказал, что у самой Алины нет ни того ни другого?

– Люди? – Она демонстративно замотала головой. – Где люди? Не вижу. Только два пустоголовых гомункула.

– Нарываешься? – рявкнул Прим.

– А если и да? – сощурилась девушка, надеясь, что всё ограничится словесной перепалкой и к более решительным действиям переходить не придётся.

Но близнецы, вопреки надеждам, не отстали. Старший продолжал удерживать девушку за капюшон, а младший подошёл спереди, крепко ухватил её за руки, не давая двигаться, и издевательски ухмыльнулся, нависая над Алиной:

– И что ты теперь скажешь?

– Что мать твоя изменяла мужу с бабуином, – брякнула девушка. Как всегда в критических ситуациях язык сработал раньше, чем инстинкт самосохранения.

Сек не пристукнул её на месте только потому, что опешил. Зато его брат среагировал куда быстрее: хватка на капюшоне ослабла, зато шею сжало захватом так, что Алина едва могла дышать.

– Следи за языком, внешка, а то мигом останешься без него! – прошипел в ухо искажённый злобой голос.

– Я тебя и молча уделаю, – хмыкнула Алина. И вместо того, чтоб кричать или вырваться, едва заметно шевельнула пальцем. Кольцо коротко мигнуло, и, подчиняясь его воле, из кармана плаща один за другим вылетели металлические шарики-граны и хаотично заметались вокруг.

Управлять ими без жестов, одной силой воли, было сложновато, да и начальной скорости для полного эффекта не хватало... Но она ведь не убивать Фелтингеров собралась. Так, припугнуть.

Припугнулись они охотно. Всё-таки не каждый день видишь боевые арфактумы в опасной близости от собственного лица.

Только вот результат получился немного не тот, на который рассчитывала Алина.

– Так-так, – глубокомысленно прозвучало за спиной. – Что здесь происходит, господа студенты?

Фелтингеры немедленно выпустили Алину. Она от неожиданности потеряла равновесие и концентрацию, шарики горохом посыпались на землю. Зря только доставала!

Девушка обернулась, украдкой потирая шею.

На тропинке чуть поодаль стоял смутно знакомый темноволосый парень. По имени Алина его не знала, но в коридорах изредка видела, причём по большей части в окружении профессоров, а не студентов. Тоже преподаватель или один из многочисленных лаборантов и ассистентов?

Выглядел он лет на двадцать, но в Истоке о таких вещах сложно было судить однозначно, а спрашивать напрямую считалось неприличным. Да и глупо уточнять возраст человека, когда он смотрит на тебя с укором и явно ждёт ответа.

– Эм... – выдавила Алина и чуть отступила назад, надеясь, что вопрос относился по большей части к Фелтингерам. Но, похоже, парня интересовала именно она.

– Госпожа Эллерт, как вы это объясните? – незнакомец показал на россыпь шариков носком ботинка. Несмотря на дождь и грязь, ботинок был идеально чистый.

– Я защищалась, – пробормотала Алина, прекрасно понимая, как глупо это звучит. Но ведь правда же защищалась!

– Полагаю, у вас нет разрешения на использование этих арфактумов? Тогда будет честно, если некоторое время они побудут у меня. Потом отдам законному владельцу.

Ага. А законный владелец её потом этими же арфактумами и расстреляет. За то, что стащила без спроса. Так ведь взяла-то всего несколько штук, а у дяди их целая куча по всем карманам.

Но спорить было бесполезно, шарики уже взмыли в воздух и, подчиняясь чужому взгляду, один за другим опустились в услужливо подставленную руку.

– Что касается вас, господа... – парень наконец-то обратил внимание на Фелтингеров. – Если ещё раз увижу, что вы пристаёте к студенткам, буду разбираться напрямую с вашей бабушкой.

Близнецы заметно побледнели. Видимо, бабушка была серьёзной угрозой. Куда более серьёзной, чем боевые граны в руках начинающей магиссы или встреча с преподавателем на узкой тропинке. А судя по манере общения, парень был всё-таки преподавателем. Да и одевался он с явным налётом взрослости или даже старомодности: костюм-тройка, длинный плащ, очки в тонкой оправе. Рядом с гопниками-Фелтингерами он смотрелся как представитель совсем другой эпохи и социального слоя.

– Да мы её вообще не трогали! – наперебой затараторили гопники. – Так, мимо шли, случайно столкнулись. Зачем бабушке такие мелочи? Она старая женщина, у неё сердце больное.

– Внуки у неё больные. На всю голову. – Парень поправил очки и усмехнулся. – Брысь, олухи. И не вздумайте прогулять занятия!

Братцев как ветром сдуло. Даже никакую гадость на прощанье не сморозили.

Хотя злобу наверняка затаили. Алина была уверена, что теперь близнецы от неё точно не отстанут, просто начнут внимательнее выбирать место для засады. А у неё только что единственное оружие отобрали.

– Профессор, – робко начала девушка, подключая всё своё обаяние. – Отдайте грани, пожалуйста. Я больше не буду ими пользоваться, честное слово.

– Не убедительно, – отрубил парень. – Сперва подумайте над своим поведением и перечитайте школьные правила. И общий свод законов тоже, особенно раздел о незаконном использовании боевых арфактумов. Сразу поймёте, что легко отделались. А сейчас, думаю, вам стоит пойти на занятия и не усугублять ситуацию прогулами.

Алина понуро кивнула.

Кажется, к многочисленным проблемам только что добавилась необходимость объяснить Ракуну, почему она без спросу брала его вещи.

* * *

Гатиг собственную лекцию традиционно проигнорировал, вместо него тему зачитывал по бумажке один из помощников, и уж тут-то возраст угадывался однозначно – парень вряд ли закончил учиться больше года назад. Выглядел он как типичный аспирант: сутулый, помятый, ежеминутно зевающий и с невнятной порослью на подбородке. Наверное, она должна была добавить владельцу представительности и серьёзности, но Алине при виде этих трёх волосинок неудержимо хотелось хихикать.

Хотя в остальном она только обрадовалась отсутствию профессора: никто не пенял за опоздание и не заставлял сидеть за первой партой, можно было уютно устроиться на заднем ряду лекционного амфитеатра и думать о своём.

Вот только мысли были сплошь нерадостные. Нет, не так Алина представляла жизнь в магическом мире. Даже консервативная и патриархальная Викена больше походила на сказочную мечту, чем хваленый Исток.

Центр вселенной оказался серым, пасмурным и тесным. Сложно представить, как целый мир может быть тесным, но Алина считала именно так, да и многие местные придерживались того же мнения. Потому что весь Исток представлял собой здоровенный остров. Или, может, небольшой материк – но всё равно один. Здесь не то что отдельных стран – даже городов-то толком не было, сплошной гигантский мегаполис. Огромный массив из зданий, дорог, переходов и лестниц, с редкими вкраплениями парковых зон и частных садов. Любой, даже самый мелкий клочок земли кому-то принадлежал, и этот кто-то пытался выжать из него максимум.

В школе было ещё нормально: светлые корпуса, тенистые аллейки, просторные аудитории и отдельные комнаты для каждого студента, имеющего возможность за них заплатить (остальные довольствовались общими и гораздо менее комфортными). Сразу за школьной стеной тоже было не так уж и плохо: исторический центр, набережная, вымощенные брусчаткой улицы, магазины и торговые палатки. А вот чуть дальше начинался хаос, и Алина, с её талантом попадать в неприятности, предпочитала в дальние кварталы лишний раз не соваться. Во избежание.

Конечно, Ракун жил именно там.

– Записаться не забудь. – Сидящая на соседнем месте Лиза передала Алине листок с длинным столбиком из имён – список присутствующих на лекции. Сам Гатиг мог прогуливать сколько угодно, но студентам подобного не позволял.

Девушка привычно чиркнула «А. Эллерт», пробежалась взглядом по списку... недоверчиво тряхнула головой, перечитала имена внимательнее, чуть привстала, разглядывая затылки сидящих впереди студентов...

– Ты чего ёрзаешь? – удивилась однокурсница.

– Ни... Сандру не видела? На истории она была? – наконец-то сформулировала Алина, от удивления чуть не назвав тётю настоящим именем.

– Нет, с утра не появлялась. Если записалась, передавай лист следующему.

Алина отправила список дальше и нахмурилась.

Нина никогда не прогуливала, даже с температурой умудрялась на занятия приходить. А тут пропустила две лекции разом... И где её носит, спрашивается?

Глава вторая, в которой Ракун вспоминает, что у него есть враги

На руке Ракуна сидел здоровенный комар, напрочь игнорируя тот факт, что сезон для этих кровососов ещё не наступил. Комар был толстый, уже напившийся, но улетать упрямо не желал.

Магос попытался осторожно согнать надоедливое насекомое, но рука даже не дёрнулась.

– Вашу ж мать... – тоскливо протянул Ракун, пытаясь для сравнения пошевелить другой рукой. Результат оказался тем же. – Женщина, ты можешь побыстрее? Меня комар жрёт!

– Не ной, я почти закончила, – отмахнулась Нина, внимательно разглядывая каплю крови через большую лупу.

Официально у лупы было очень умное и многоступенчатое название, которым всё равно никто, кроме учёных, не пользовался. А вот сам арфактум использовали частенько.

В ручке лупы находился небольшой резервуар, в который набиралась кровь. Затем по узкому каналу она поступала под увеличительное стекло, с помощью которого можно было разглядеть структуру всех заклинаний, наложенных на человека. А кто может разглядеть – может и изменить.

Но у Нины пока не слишком хорошо получалось.

– У меня руки опять онемели, – доложил Ракун.

– Ничего страшного, сейчас пройдёт. Вот если задыхаться начнёшь – тогда говори. Или, может, всё-таки в больницу? Там специалисты сидят, а не первокурсницы с амбициями.

Магос поморщился. Больницы он терпеть не мог (а кто их вообще любит?), и Нина об этом прекрасно знала. А заклинание, под которое он угодил, было в целом довольно безобидным: обездвиживало, но никакого явного ущерба здоровью не наносило. Так что можно было и подождать, пока начинающая магисса распутает все чары.

Чтоб не отвлекать её, Ракун попялился ещё немного на комара (так и не улетел, зараза), а затем начал изучать комнату. Та выглядела непривычно жилой и чистой. За последнее время Нина умудрилась превратить холостяцкую конуру, пригодную только для ночёвки, в уютное место, куда хотелось возвращаться.

Вот он утром и вернулся из очередной поездки: для разнообразия, не на лодке, а на пароме, как приличный человек.

До начала занятий в школе оставалось несколько часов, поэтому Нина решила его встретить. Как выяснилось – правильно сделала, потому что едва магос вынырнул из вокзальной толчеи на свежий воздух, как тело внезапно отказалось слушаться. При этом мозг работал до обидного чётко, Ракун всё видел, всё понимал, но почти ничего не чувствовал и мог разве что уныло моргать.

Любая нормальная женщина при виде человека, кулем свалившегося ей под ноги, побежала бы за врачом. Или послала бы кого-нибудь. Или хоть взвизгнула бы ради приличия.

Нина присела рядом на корточки, поправила очки, вытащила из сумочки лупу, из лупы – резервуар со шприцом, сноровисто набрала в него крови и задумалась, глядя на результат.

Мимо текла полноводная людская река, приехавшие и встречающие расходились по своим делам, и совершенно никому не было дела до лежащего на земле мужчины. Кроме флегматичного возчика, пытающегося найти хоть какого-то клиента.

– Достопочтенная магисса, рад предложить вам транспорт и услуги, – привычно забубнил он над ухом Нины. – Могу отвезти вашего друга в милицию, вытрезвитель, госпиталь, на кладбище...

– На кладбище нам пока рано, – отрезала женщина. – А вот в Сиреневый переулок было бы неплохо. Доплачу, если поможете затащить это тело в машину.

Возчик помог (кто ж от денег-то отказывается), хотя пыхтел при этом так, будто тащил не худого жилистого мужчину, а боевого слона. А когда узнал, что надо пострадавшего ещё и с улицы на третий этаж поднять, то вообще чуть не сбежал.

Если бы адрес называл сам Раун, он, конечно, выбрал бы место с меньшим количеством лестниц. Или хотя бы с большим количеством слуг. В крайнем случае, стоило бы и управление разведки, хоть ввалиться туда и было бы верхом наглости. Зато там и подлечили бы сразу. Да и всё равно потом идти отчёт сдавать.

Но говорить магос не мог, а Нине из всех местных адресов пришёл в голову только его домашний.

Раун обитал не в самом престижном районе, зато неподалёку от Реки. Был у него, конечно, и ещё один дом: большой особняк в центре, собственный сад, два этажа, четыре спальни, две гостиных и множество других бесполезных помещений. И, конечно, ворох слуг, необходимых для поддержания всего этого великолепия в должном виде.

Раньше, когда магос жил с семьёй, дом ему даже нравился. Но находиться там в одиночестве оказалось совершенно невозможно, ночью здание становилось похоже на тюремную камеру. Большую, просторную, комфортную, но всё равно камеру. Из него хотелось немедленно сбежать куда глаза глядят и не возвращаться хотя бы до утра.

Промучившись после смерти брата почти год, Раун просто сдал дом внаём, а сам переехал в маленькую квартирку, состоящую всего из двух комнат и совсем уж крошечной кухни. Зато в ней не хотелось выть от тоски и не бросались в глаза запертые двери пустующих спален.

Из слуг осталась только одна домработница, которая приходила раз в неделю, чтоб разгрести бардак, который Раун успевал за это время сотворить. Хотя с появлением Нины бардака стало в разы меньше. И даже пол был всегда чистым.

Про пол магос знал совершенно точно, потому что как раз на нём он и лежал, в том самом месте, где возчика окончательно покинул энтузиазм. А Нина решила, что и так сойдёт, и устроилась со своими схемами и лупой прямо на журнальном столике, мимоходом столкнув оттуда пачку писем, документов и проигнорированных приглашений на новогодние торжества.

Приглашений оказалось неожиданно много, хотя большинство из них были отправлены чисто ради приличия: Раун давно уже не относился к завсегдатаям подобных мероприятий. По молодости, конечно, захаживал – кадрить в таких местах девушек было легко и приятно. Ну и по работе иногда приходилось вести светский образ жизни, заводить полезные контакты и слушать сплетни. А сейчас-то что там делать? Чинно прогуливаться с постным лицом?

– Ещё одна попытка! – объявила Нина, кладя ладонь на грудь магоса. – Постарайся не дёргаться!

– Ладно, – ответил тот, но сказать было легче, чем сделать.

Чары сработали резко, по нервам словно ток пробежал. Раун не просто дёрнулся – подскочил всем телом, врезался подбородком в лоб склонившейся над ним Нины, рухнул обратно и ещё некоторое время чувствовал, как все мышцы сокращаются сами по себе.

Зато комар наконец-то улетел.

– Просила же аккуратнее... – вздохнула Нина, потирая ушибленный лоб.

– Лучше бы предупредила, что оно так шарахнет, – буркнул магос. – Я думал, просто отпустит.

– Я тоже. – Женщина развела руками. – Извини, проклятия – не мой конёк. Они намного сложнее обычных схем, там недостаточно просто взломать, надо ещё реакцию организма жертвы учитывать. А я, знаешь ли, не врач.

– То есть всё-таки проклятие? – Ракун осторожно пошевелил руками, затем ногами и наконец, осмелев, сел.

– Ага. Не очень сложное, кстати. – Нина устроилась рядом, прямо на полу. – С чем другим я бы тебя сразу в больницу спровадила. А тут все необходимые арфактумы под рукой были, решила попробовать снять.

– Зачем ты вообще лупу с собой таскаешь?

– Так у меня зачёт через неделю. Готовиться надо. Хотя вообще-то до живых людей нас ещё месяца три не допустят, а то и больше. Так что считай, ты у меня первый. Надо ещё Силья проверить.

– Не надо, – напрягся Ракун.

Эксперименты над собой он ещё готов был простить, но к другу сумасшедшую женщину подпускать не собирался.

– Да ничего ему не сделается, просто гляну. Интересно же на структуру посмотреть! Даже не представляю, что там надо было наvertеть для такого эффекта. Его ведь столько лет уже колбасит, да ещё и без чёткой периодичности! Без чёткой же?

Магос кивнул. За двадцать с лишним лет Силья приуловился определять начало приступа за несколько часов, но никакой зависимости от календаря, погоды или чего-то другого уловить так и не смог. Проклятие срабатывало хаотично, когда ему вздумается, и вырубало жертву из нормальной жизни на два-три дня.

Ракун всерьёз подозревал, что именно в этом кроется единственная причина, почему Леда, глава разведки Истока, до сих пор не уступила заместителю своё место. Начальнице Силья было уже за сотню, никакие омолаживающие эликсиры не могли полноценно компенсировать такой возраст, но сгорбленная морщинистая старушка держалась за свою должность мёртвой хваткой и уверяла, что покинет управление только вперёд ногами.

– Так почему ты не хочешь пускать меня к Силью? – не отставала Нина. – Обещаю, что не буду ничего делать без разрешения. Даже трогать ничего не буду, только посмотрю. Я не самый крутой хакер, но вдруг смогу разобраться?

Ракун вздохнул. Простого «нет» упрямая выхухоль не понимала, ей всегда нужны были аргументы и доказательства.

– Уже смотрели всякие специалисты, и не раз. Пытались разобраться, вдоль и поперёк изучили. Но... так получилось, что это проклятие вообще нельзя снять.

– Что значит «нельзя»? Так не бывает!

Ракун снова вздохнул, подтянул Нину поближе к себе и ткнул носом ей в шею. Конечно, такие вещи положено рассказывать глядя в глаза, но он не был уверен, что сможет нормально выдержать взгляд.

Ладно, чего уж там. Всё равно рано или поздно узнает, так пусть лучше сейчас и от него самого.

– Потому что я накосячил, – пробормотал магос не поднимая головы. – Когда Силья словил первый приступ... мы не сразу поняли, что случилось, даже он сам ничего не понял. Это сейчас все знают, какие лекарства ему в каком порядке колоть, если что. А тогда он чуть не умер прямо у нас на руках. Ну, то есть почти умер. – Ракун вздрогнул от нахлынувших воспоминаний, и Нина тихо погладила его по спине. – В общем, я его как-то вытащил с помощью той силы, но при этом что-то сделал со структурой проклятия. Сам не знаю, что. Запутал, перекрыл, перемешал... и получилось, что чары не снять, пока в них хранится частица моей магии.

– А ты не можешь её убрать?

– Могу попытаться, но... Понимаешь, эта штука практически вытащила его с того света. Вдруг станет ещё хуже, если я её уберу? Вдруг он умрёт? Силу Устья слишком сложно контролировать. Как бы объяснить... понимаешь, стену раздолбать с её помощью легко, а проделать маленькую дырочку – почти невозможно. Мы уже обсуждали это с Силем. Решили, что попробуем, но только в самом крайнем случае. Когда терять будет нечего.

– То есть когда он будет совсем умирать?

– Типа того. Но он и так умирает, ты же видела. Его убивает проклятье, его убивают лекарства и эликсиры. Последний раз сердце отказало, откачали только с помощью омолаживающего зелья... Правда, это была вторая доза за год, поэтому потом снова откачивать пришлось, уже от передозировки. Зато как он ругался, когда очнулся и себя в зеркале увидел! А какие лица у ребят из управления были! И так-то мелкий, а стал совсем как ребёнок. И на девочку похож, скажи же? – Ракун хмыкнул, но Нина шутку не поддержала, и в воздухе повисла короткая напряжённая пауза. – В общем, он, конечно, хорохорится, но прекрасно знает, что долго не протянет. А я... Знаешь, я очень не хочу убивать его своими руками. Даже пытаться не хочу. И... Нам действительно так нужно говорить об этом именно сейчас?

На самом деле Ракун вообще не хотел говорить на эту тему, ни сейчас, ни потом. За прошедшие годы всё было столько раз обговорено и обдуманно, что осталось только смириться и старательно делать вид, что всё в порядке. Они и делали: и он, и Силь, и Алекс.

А потом появилась любопытная выхухоль и влезла носом во все тайны разом. И что самое странное, никто из друзей не возражал. Кроме, собственно, Ракуна – ведь именно ему в большинстве случаев приходилось терпеливо отвечать на бесконечные вопросы своей дотошной пассии. Или не очень терпеливо.

– Прости, – смутилась Нина, сообразив, что вытащила из магоса слишком много личного. – Я просто хочу ему помочь.

– Ты не сможешь. Смирись. Лучше иди ко мне.

Организм, вернувший способность нормально двигаться, жаждал действия. Весьма определённого действия, учитывая, что последняя встреча с Ниной была целую неделю назад, а сейчас она сидела рядом такая уютная, домашняя и растрёпанная. И задумчивая.

Впрочем, задумчивость не помешала ей охотно податься навстречу Ракуну. Рубашка на нём и так была нараспашку, поэтому Нина взялась сразу за брюки: расстегнула ремень, пуговицу... и начала сосредоточенно прощупывать карманы и штанины.

– Что ты делаешь, женщина? – удивился магос.

– Ищу привязку.

– Что?

– Проклятия передаются через кровь, по имени или с помощью зачарованных предметов, обеспечивающих привязку заклинания к жертве, – процитировала Нина абзац из учебника.

– Да-да, я помню. Но у меня нет никаких посторонних вещей.

– А это что? – Нина вытащила из заднего кармана клочок бумаги с торопливо написанными символами и помахала им перед носом Ракуна с таким видом, словно это был адрес его любовницы.

Магос выхватил обрывок, прощупал со всех сторон, на всякий случай даже обнюхал и сокрушённо признал:

– Понятия не имею. Наверное, в толпе подбросили. Видела, что на выходе с паррома творилось? Ну и на входе то же самое.

– Значит, могли и там, и там. Или где-то ещё. А активировали, скорее всего, дистанционно, как только ты вышел из здания вокзала.

– Логично, – кивнул Ракун, мысленно смиряясь с тем, что секс у него сегодня будет разве что церебральный. – Наверное, хотели перехватить меня по-тихому. Никто же не ожидал, что

ты встречать придёшь. Я и сам не знал. Так что просто вырубился бы, а потом очнулся фиг знает где. Или вообще не очнулся.

– Да нет, судя по действию проклятия, ты кому-то понадобился живым. Но вот кому? Магос только руками развёл.

А что тут скажешь? Кому угодно – и, одновременно с этим, никому конкретно. Никаких идей. Разве что...

Ракун внимательно посмотрел на обрывок. Плотный лист с тиснением, с краю виднеется кусок вензеля. Очень знакомого вензеля.

Россыпь писем и приглашений всё ещё валялась неподалёку. Магос подтянул бумаги поближе к себе и начал перебирать по одной, больше шупая, чем вчитываясь в текст. Сначала не везло: листы попадались слишком тонкие, слишком гладкие, слишком шуршащие... Но внезапно пальцы наткнулись на чуть шершавую тиснёную поверхность.

– Вот оно! – Ракун протянул подруге находку. Обрывок, подброшенный неведомым заклинателем, был явно оторван от точно такого же листка.

– Госпожа Мир приглашает вас на традиционный Большой весенний бал, который состоится двенадцатого марта в Викене... – вслух прочитала Нина. – Это завтра?

– Да. Не думаю, что Власта Мир стала бы так глупо подставляться и писать проклятья на обрывках собственных приглашений, но проверить надо. Заодно можно будет посмотреть, кто придёт. Хоть какой-то список подозреваемых наметится.

– Скорее уж, подозревать надо тех, кто не придёт. Ты стал бы рвать приглашение, которым собираешься воспользоваться?

– Тоже верно, – согласился магос. – Но сходить всё равно надо. Приглядеться, пообщаться, если повезёт – раздобыть полный список приглашённых.

– А тебе обязательно самому этим заниматься? – Нина задумчиво потеревала листок. – Можно же попросить у Силя, пусть отправит людей каких-нибудь проверить...

– У каких-нибудь людей обычно имеется масса других дел. Так что можешь представить, что он уже отправил меня. И хватит хмуриться! Неужели тебе не интересно?

– Мне страшно. Ты опять уедешь, пропадёшь на несколько дней, а я буду волноваться.

Волноваться Нина действительно умела. Ракун представил, как она ночами пьёт на кухне кофе, просчитывая в уме самые пессимистические варианты, и решительно хлопнул себя по колену:

– Ну уж нет, женщина! В такие места принято ходить парами, да и приглашение на два лица. Так что ты едешь со мной!

– Ни за что! – Серые глаза под стёклами очков решительно сверкнули. – Я и так сегодня из-за тебя занятия пропустила. Второй день подряд прогуливать не буду! И танцевать я не умею! И...

– Предпочитаешь сидеть на месте и страдать? – ухмыльнулся магос. – Да ты же сама себя сгрызёшь за то, что отпустила меня без присмотра! Так что хватит артачиться, выхухоль, пора выводить тебя в свет. Пошли, до заката надо раздобыть тебе приличную одежду.

Нина понятия не имела, какая одежда в Истоке считается приличной. До этого момента она вообще была искренне уверена, что местные одеваются как хотят, порой напяливая на себя совершенно несочетающиеся вещи. Смотрелось с непривычки жутковато, зачастую прогулка по центру города выглядела как затянувшийся показ высокой моды.

Однако при слове «бал» перед внутренним взором сразу встали пышные платья с корсетами и кринолинами, веера, перчатки, галантные кавалеры в сюртуках или бархатных камзолах.

Нина попыталась представить Ракуна в сюртуке, но воображение забуксовало и ограничилось галстуком-бабочкой поверх привычной чёрной рубашки. Бабочка магосу шла, как розовые стразики боевому пистолету. Амплуа галантного кавалера тоже.

– Вставай! – недостаточно галантный кавалер за шкирку вздёрнул Нину с пола и потащил за собой к дверям.

Спротивляться было бесполезно.

Глава третья, в которой Алина получает неожиданное предложение

Вот с чем в Истоке была настоящая проблема, так это со связью. Алине, выросшей в мире мобильных телефонов и интернета, это казалось диким, но местные, кажется, даже не пытались как-то исправить ситуацию. Они искренне считали, что письма и газеты должны быть бумажными, а скорость распространения новостей измеряется не в мегабайтах в секунду, а в километрах в час. Точнее, в милях (с нормальной метрической системой в центре вселенной тоже не заморачивались).

Единственным способом передавать информацию мгновенно были арфактумы, да и те по принципу действия больше напоминали допотопный пейджер: один посылает сообщение, другой его получает и принимает к сведению. И если в роли адресата мог выступить практически любой, то отправить послание без камня было невозможно.

С камнем иногда тоже.

По крайней мере, у Алины получалось не всегда. В этот раз терпение кончилось на третьей попытке достучаться до Ракуна. Причём сбой связи мог быть вызван не только косуростью начинающей магиссы, но и раздолбайством её дядюшки, с которого вполне бы стало потеряться где-нибудь принимающий арфактум, забыть его дома или просто снять, чтоб не мешался.

Нина со своим браслетом обращалась куда осторожнее, но в последнее время он всё чаще красовался на запястье её племянницы. Как, например, сейчас.

Алина нервно потеревала украшение и попыталась убедить себя, что ничего страшного не произошло. Тётя – взрослая женщина, хоть и выглядит сейчас на двадцать лет младше реального возраста. Если куда-то ушла из школы – значит, так было надо.

Но почему не предупредила?

Вокруг зашуршали страницы тетрадей, зазвенели пряжки сумок и загомонили студенты – лекция наконец-то закончилась. Алина собрала вещи и заторопилась к выходу, но Лиза ловко поймала её за плечо и вернула обратно.

– Что случилось? – настойчиво спросила она. – На тебе лица нет. Опять Фелтингеры приставали?

Саму Лизу близнецы не трогали, хоть она и была родом из другого мира. Девушка выросла в Викене, которую большинство местных всерьёз считало частью Истока, чем-то средним между глухой провинцией и элитным курортом. Образование там давали вполне приличное, и всё, что проходили на дополнительных занятиях, Лиза и так знала. Но на лекции всё равно ходила, исключительно потому, что так положено. Она вообще была сторонницей чётких правил и их соблюдения. И занудой похлеще Нины. Зато списывать давала без проблем.

– А... да, Фелтингеры... – отмахнулась Алина. Про братцев и сопутствующие проблемы она уже почти забыла, но раз всплыло в разговоре – надо пользоваться. – Пытались, но им помешал какой-то странный тип. Ты его не знаешь, кстати? Среднего роста, тёмные короткие волосы, очки и вообще вид такой породистый, благородный. Внешне молодой совсем, но кто там разберёт. Я его наугад профессором обозвала, он не поправил, но мало ли...

Лиза задумчиво потеревала короткую светлую косичку. Вообще-то косичек у неё было две: левая и правая, но доставалось почему-то всегда только правой. В итоге к концу дня с одного бока девушка была похожа на стереотипную отличницу, а со второго – на растрёпанную хулиганку.

– Не уверена, но по описанию на Перфи похож.

– Это кто? – заинтересовалась Алина.

– Географию внешних миров преподаёт. Вроде как даже во многих из них лично бывал. В смысле не только в тех, которые на Реке стоят, но и в дальних.

– Ого!

Если в перемещении по Реке ничего сложного не было, хоть каждый день туда-сюда катайся, то желающих забираться дальше по спирали находилось не так уж и много. Такие путешествия отнимали огромное количество времени, средств и зачастую были очень опасными: переход из одного мира в другой мог обнаружиться в любой точке планеты, и чаще всего этими точками оказывались глубокие пещеры, затерянные в океане острова или жерла вулканов.

Ближайшие несколько витков исследователи, конечно, изучили вдоль и поперёк, заодно наладив дипломатические и торговые отношения с местным населением. Но чем дальше от Истока, тем меньше находилось желающих рисковать жизнью ради науки. И человек, лично побывавший хотя бы в нескольких дальних мирах, просто обязан был оказаться весьма незаурядной личностью.

– У тебя такое лицо, как будто ты только что решила выбрать географию основной специальностью, – подметила Лиза. – Он что, так тебе понравился?

– Да ну тебя! – отмахнулась Алина. – Просто мне надо с ним поговорить! Знаешь, где его найти?

– Нет, но можно ведь посмотреть в расписании.

В расписании некто «проф. Ф. Перфи» действительно значился, только вот занятий у него сегодня не было, по крайней мере, учебных. Покружив немного возле кафедры географии и прогуляв при этом очередную лекцию, Алина уже почти решила сдаться и вернуться к себе в комнату (ещё один марш-бросок через парк под дождём), но тут из-за спины вкрадчиво прозвучало:

– Не меня ищите?

– Вы всегда так подкрадываетесь? – вместо ответа поинтересовалась девушка, удивляясь собственному хладнокровию.

Ну, как хладнокровию... Она, конечно, вздрогнула, но ведь не подпрыгнула, не вскрикнула и даже язык не прикусила. И обернулась почти плавно.

Перфи смотрел на неё поверх очков, и взгляд этот не обещал ничего хорошего.

– Так что вы здесь делаете, госпожа Эллерт?

– Откуда вы узнали, что я Эллерт? – не выдержала Алина, продолжив бессмысленную череду вопросов, оставшихся без ответа.

Но в этот раз ответ всё же прозвучал.

– Да у вас фамилия на лице написана, – усмехнулся профессор. – Прямо на вашем прелестном носу.

Алина поморщилась. Дался им всем этот нос! Она бы не отказалась сделать его чуть поменьше, но совсем необязательно так демонстративно на это намекать.

– Вы знаете, что очень похожи на отца? – продолжил тем временем Перфи, словно не замечая её реакции.

– Мне говорили, – сдержанно ответила Алина. Но профессор смотрел так, будто ждал чего-то ещё, и она неожиданно для самой себя добавила. – Правда, я его никогда не видела. Даже на фотографиях.

Брови Перфи удивлённо дёрнулись вверх, и выражение лица из покровительственно-скептического на миг стало сочувствующим. После чего он резко развернулся и направился вперёд по коридору, бросив через плечо:

– Идите за мной.

Алина подчинилась. А что ещё оставалось делать?

Идти пришлось недолго, буквально до следующей двери. Профессор коснулся магического замка, и тот с тихим щелчком открылся, пропуская посетителей.

За дверью обнаружился кабинет. Традиционный такой учительский кабинет, только очень уж чистый, практически стерильный: пустой и начищенный до блеска стол, несколько шкафов с папками и книгами, вешалка и подставка для зонтов в углу – и огромная, во всю стену, карта миров. Не упрощённая схема в виде спирали, которой пользовались в большинстве случаев, а подробнейшая карта с точками перехода, указанием глубины Реки в разных местах, перечнем смежных населённых пунктов и важными примечаниями.

Алина нашла двадцать третий виток. С информацией по нему было негусто, отметка «технологический мир» отбивала у исследователей и путешественников всё желание туда соваться. Однако карта содержала и план родного города, и несколько фотографий, и даже координаты прохода в соседние по витку миры. Причём цифры оказались написанными от руки и явно совсем недавно – даже выцвести ещё не успели.

Одна пара координат выглядела очень знакомо, а вот вторая никаких ассоциаций в памяти не вызывала.

– Двадцать девять градусов северной широты – это где? – машинально спросила девушка. На ответ она не особо надеялась, но он неожиданно прозвучал:

– В Гималаях. Бывала там?

– Нет, только в Сочи. – Вышло как-то глупо и совсем не внушительно, поэтому Алина поспешно добавила: – И в Кисловодске.

Получилось, кажется, ещё хуже. Даже стыдно стало оттого, что она за восемнадцать лет никуда дальше общепринятых курортов не выбиралась, а какой-то пришелец из другого мира облазил её родину вдоль и поперёк, чтоб найти там порталы. И нашёл ведь!

– Это вы написали? – Алина указала на цифры. – Вы их обнаружили?

Перфи кивнул. Как-то очень мимоходом кивнул. Мол, да, было дело, но это всё такие мелочи, что можно и не вспоминать.

Гораздо больше его интересовали сейчас ящики стола. Один из них он даже выдернул целиком и вытряхнул всё содержимое прямо на столешницу. Та сразу стала похожа на нормальное рабочее место, а не на рай перфекциониста.

Алина заинтересованно подошла ближе. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как профессор извлекает за угол из кучи бумаг старую фотокарточку. Мятую, слегка пожелтевшую, но вполне годную для того, чтоб разглядеть изображённых людей. Групповой портрет: шесть человек в официальной одежде выстроились в ряд, и лица у всех были такие торжественно-серьёзные, что бурное воображение сразу же добавило к картинке подпись «Пятилетку за три года».

– Наш отдел, – пояснил Перфи. – Я же не всегда по мирам мотался. Когда-то работал с твоими родителями в лаборатории. Не очень долго, обстоятельства сложились так, что пришлось уйти. Но фото на память осталось. Да что объяснять, сама видишь.

Она действительно видела. Маму узнала сразу же: та была совсем такая, как на фотках из семейного альбома – светлое открытое лицо, озорные ямочки на щеках. Отец стоял рядом с ней, и его тоже сложно было с кем-то спутать, фамильное сходство бросалось в глаза сразу же: глаза, нос, волосы – всё это Алина каждый день наблюдала в зеркале. Да и вживую тоже, у Ракуна. Но если дядюшка был резким, порывистым и крайне непостоянным типом, то от отца веяло спокойствием и уверенностью.

Алина почти не скучала по родителям – сложно всерьёз скучать по людям, которых даже не помнишь. Но иногда тоска по той семье, которой у неё никогда не было, чувствовалась особенно остро.

– Оставь себе, – отмахнулся Перфи, когда девушка спустя несколько минут протянула ему фото.

– Но это же ваше.

– Да брось, меня здесь и не видно почти.

Он был прав. Будущий путешественник, исследователь и профессор выглядел на снимке почти как сейчас, только очки замотаны скотчем и вид такой испуганно-взъерошенный, как у мокрого воробья. Он стоял позади всех, кое-как втиснувшись между хмурым патлатым мужчиной и очень крупной, крайне внушительной дамой.

С другой стороны даму подпирали ещё один мужчина: довольно шуплый на вид, но с таким надменно-брезгливым взглядом, словно он делал окружающим одолжение, соглашаясь на коллективное фото. Высокомерный вид этого типа слегка портило родимое пятно на лбу, похожее на растёкшуюся по голове кляксу.

– Забирай, – велел Перфи. – А почему других фотографий нет? Не верю, что ни одной не осталось.

– Если и остались, то только в старом доме, где все раньше жили. Но сейчас его кому-то сдали. Хотя кабинет вроде бы не трогали. Дядя сказал, там всё заперто.

– Но если не трогали, то можно же, наверное, зайти и посмотреть? Ты же ближайшая родственница владельца, почему нет?

– Можно, наверное, – с сомнением протянула Алина. – Но без дяди, честно говоря, немного страшно. А он туда не пойдёт. Да и просить не хочется.

– Ну хочешь, я с тобой схожу, – великодушно предложил Перфи.

Алина кивнула раньше, чем сообразила, на что соглашается. Но с профессором действительно было не страшно. Даже подозрительно не страшно, учитывая, что они только пару часов назад познакомились. И он был такой обаятельный, и симпатичный, и так запросто перешёл на ты...

Кажется, это лёгкое «ты» её и добило. Тот же Долан величал девушку на «вы» с самого момента знакомства и, похоже, изменять своим принципам не собирался. Не то чтоб у них часто случались поводы для общения, но каждый раз, когда доводилось пересечься, добиться от бывшего милита хоть какого-то проявления эмоций было практически невозможно.

Самым тёплым, что перепало Алине от этого холодильника, стала серая милитская куртка. Девушка регулярно пыталась её вернуть, но каждый раз невыносимым образом оказывалась в неё же закутана. В какой-то момент она начала всерьёз подозревать, что неудавшаяся передача куртки – это такой особый ритуал, смысл которого в том, чтоб дать им возможность хоть иногда видеться.

Но даже такие странные встречи в последнее время случались всё реже.

Задумавшись, Алина даже не заметила, как Перфи сгрёб весь старый хлам обратно в ящик, а на освободившийся стол выставил вазочку с печеньем и чашки с горячим чаем. И ведь успел же где-то раздобыть! Под столом чайник прятал, что ли?!

– Профессор, так вы серьёзно готовы со мной сходить? – на всякий случай уточнила девушка.

– Готов, если прекратишь называть меня профессором. Просто Фран, договорились? И не делай такое лицо, меня все по имени называют, даже студенты.

– Это не показатель, тут некоторым студентам за пятьдесят! А я так не могу, вы же старше меня!

– Лет на двадцать всего-то. Подумаешь, разница.

Для Истока с его повальным увлечением омолаживающими эликсирами, разница действительно выглядела совсем не страшно, но всё равно настораживала. Двадцать лет – это же целая жизнь, особенно когда тебе восемнадцать.

И ещё...

Алина попробовала чай (вкусный, между прочим) и попыталась посмотреть на ситуацию объективно. На самом деле проблема была не столько в возрасте, сколько в непонимании: Перфи просто сам по себе такой заботливый или всерьёз ухаживает за студенткой?

Опыт в принятии ухаживаний у Алины был не очень большой: в десятом классе сосед по парте пригласил её потанцевать на дискотеке, потом погулять, потом в кино. Правда, про «погулять» он забыл и не пришёл, а в кино сначала опоздал, а потом вытащил из кармана два билета на детский мультфильм и пояснил, что вообще-то должен был идти с младшей сестрой, но она заболела, а чего добру пропадать.

Мультфильм Алина честно отсидела, но на этом отношения и закончились. И не сказать, чтоб девушку это сильно огорчило, потому что одноклассник на прекрасного принца никак не тянул. Вообще ни на какого принца не тянул, просто был первым, кто предложил встретиться, и будущая магисса не нашла в себе решимости отказать.

– Так как? – лукаво улыбнулся Перфи. – Могу я пригласить вас к вам домой сегодня вечером? Разумеется, если у вас нет более важных дел типа подготовки к зачёту или свидания? «Всё-таки ухаживает», – обречённо решила Алина.

Здравый смысл наконец-то проснулся и упрямо сигнализировал, что так не бывает, отношения с преподами ни к чему хорошему не приводят, и Нина такое никогда не одобрит. Но тётю носило неизвестно где, а Фран Перфи сидел совсем рядом и не мигая смотрел поверх очков зелёными глазами. И Алина решилась:

– Сегодня вечером я совершенно свободна.

– Тогда жду в шесть часов возле главных ворот. Или удобнее встретиться возле общежития?

Алина вспомнила про Фелтингеров, которые наверняка будут караулить свою любимую жертву в парке, поёжилась, но всё равно решительно помотала головой. Лучше получить привычную дозу насмешек в лицо, чем слышать за спиной сплетни о связи с преподавателем.

– Не надо возле общежития, профессор. Вы лучше...

– Фран, – настойчиво поправил Перфи.

– Фран... – осторожно примериваясь к имени, повторила Алина. – Отдайте мне грани, пожалуйста. Я всё осознала и больше не буду швыряться ими в окружающих.

– Нет уж, они останутся у меня в заложниках, чтобы ты не передумала. Вечером верну, обещаю. А сейчас извини, но мне пора на занятия, мучить студентов.

Нины в комнате не было, и до вечера она так и не появилась. Алина заходила к тётке каждый час, исправно натываясь на запертую дверь. Браслет тоже молчал. Особого повода для волнения вроде бы и не наблюдалось – мало ли где может задержаться взрослый человек, – но настроение всё равно было нервным, и предстоящее свидание казалось не праздником, а суровой повинностью.

Наверное, не стоило соглашаться на встречу с Перфи... Но как же тогда грани? И фотографии? И если вдруг нынешние жители особняка Эллертов действительно пустят незваных гостей в запертый кабинет, то кто знает, вдруг там и про имя Алины что-нибудь найдётся?

Потому что в имени, честно говоря, она нуждалась гораздо больше, чем в фотографиях.

К новой фамилии Алина привыкла легко, и уже через неделю перестала вздрагивать и нервно оглядываться каждый раз, когда кто-то из преподавателей к ней обращался.

А вот с именем всё складывалось легче и сложнее одновременно: с одной стороны, привыкать не пришлось, Алина слышала его с рождения и без проблем ассоциировала с собой. Только вот, как выяснилось, это было не её имя. Точнее, не настоящее имя.

Оно значилось во всех бумагах, стояло на тетрадях и украшало собой табличку на двери комнаты, его требовалось называть при знакомстве... с ним даже вполне можно было жить.

Жить – и не думать, что у всех вокруг кроме официального имени есть ещё одно, личное, никому не известное, только для них и близких людей. И для магии.

Обращения к магии очень часто требовали знания имени, даже если оно не произносилось вслух. Имя было личным кодом, логином и паролем, идентификатором и координатами. Имя было сущностью человека.

А Алина его не знала. И смириться с этим было нелегко.

Гораздо сложнее, чем провести вечер с симпатичным и обаятельным профессором.

Поэтому без пяти шесть девушка выскользнула из своей комнаты, для очистки совести заглянула к Нине (той всё ещё не было) и заторопилась к выходу, едва не столкнувшись на лестнице с Лизой.

– Ты пропустила лекцию по культурологии! – с напускной суровостью объявила однокурсница, преграждая путь. Правая косичка угрожающе топорщилась, левая мягко колыхалась в такт словам.

– Значит, придётся умирать некультурной.

– Хуже! Тебе придётся некультурной жить, – хихикнула отличница, наблюдая, как Алина нетерпеливо переминается с ноги на ногу. – Погоди... Это на тебе платье, что ли?

– Ну да. А что такого?

– То есть, я хотела сказать, приличное платье, без лупоглазых зверюшек, странных надписей и нашивок? Тебя не подменили?

– Нет. – Алина одёрнула юбку, вдруг показавшуюся бесстыдно короткой.

Обычно она из-за подобных вещей не беспокоилась, но красное обтягивающее платье выглядело слишком уж провокационно. Будто юная студентка пыталась соблазнить преподавателя, а не разузнать информацию о собственном происхождении.

Уж лучше бы напялила футболку с Дартом Вейдером, а не этот коплей на Клару Освальд!

– Ты идёшь на свидание! – объявила Лиза, подтверждая, что отличницы бывают не только занудные, но и догадливые. – С кем? Ну расскажи, любопытно же! Он с нашего курса или старше?

– Старше, – уклончиво ответила Алина, пытаясь осторожно протиснуться вниз мимо девушки. Та не препятствовала, но и отставать не собиралась.

– Там внизу Фелтингеры засели, кстати. Очень злые, до всех докапываются.

– Ничего, проскочу. Может, отвлекутся на кого-нибудь.

– Как же, жди! Ты для них сейчас будешь как красная тряпка. В самом прямом смысле. Давай попробуем вдвоём пройти, что ли...

Похоже, Лиза не особенно торопилась в свою комнату. Гораздо больше её интересовало, кто окажется кавалером Алины, и ради этого знания она была готова даже мимо бритоголовых близнецов туда-сюда бегать.

Но стоило девушкам осторожно выглянуть из дверей общежития, как выяснилось, что можно не таиться: Фелтингеры уже нашли новый объект для издевательств и были всецело заняты им.

Объект при этом даже не думал выражать признаки недовольства. Хрупкое ангелоподобное создание спокойно сидело на лавочке неподалёку от здания, подставив лицо неожиданно выглянувшему солнцу, и наблюдало за громилами с вежливым интересом. И, кажется, даже с улыбкой. Нежной такой, романтической.

Близнецы кружили вокруг лавочки, как два кота, увидевшие бутылку с валерьянкой, разве что не облизывались. Они явно не могли определиться, как поступить с белокурым ангелочком: то ли прикопаться к чему, то ли для начала подключить обаяние.

Кончилось тем, что Прим подсел к жертве слева, Сек – справа, и братцы перешли к активным действиям:

– Новенькая, что ли? Или ждёшь кого-то?

– Жду, – потупила глазки жертва.

– А может, нас ждёшь?

– Может быть и вас. – Голос было едва слышно из-за расстояния, и студентки затаили дыхание, чтоб ничего не пропустить.

– Так мы пришли!

Близнецы убедились, что никто от них не шарахается, и с готовностью придвинулись ближе.

– Надеюсь, ждать пришлось не слишком долго? – поинтересовался один из братьев.

– Нет, но это были очень скучные десять минут. Возможно, общение с вами сможет компенсировать это время. – Тонкая бледная рука заправила за ухо светлый локон, словно бы невзначай коснувшись Прима. У того от этого простого жеста аж уши покраснели.

Сек с завистью посмотрел на брата, но предпринять ничего не успел, потому что в этот момент его также мельком задела по ноге.

– Это уже не шутки, – поморщилась Лиза. – Она же их провоцирует! Неужели не понимает, чем может кончиться?

– Он, – машинально поправила Алина.

– Да ладно? Шутишь?! – Лиза недоверчиво всмотрелась в небесное создание, пытаясь определить его пол.

Минуту назад она была уверена, что на лавочке сидит молоденькая миловидная девушка, но с тем же успехом это мог оказаться и парень. Тоже, впрочем, миловидный и молоденький, совсем мальчишка.

Распушенные волосы длиной чуть ниже плеч ясности не добавляли, одежда тоже выглядела на редкость универсально: короткий светлый плащик, выглядывающие из-под него брюки и белая рубашка, ботинки на небольшом каблуке – всё это могло принадлежать кому угодно.

Но Фелтингеры, похоже, ни на секунду не сомневались, кто перед ними.

– Крошка, а не хочешь заглянуть к нам в гости? Тут совсем недалеко. Познакомимся поближе, а?

– Боюсь, меня не пропустят в общежитие.

– Ну... – Близнецы переглянулись, неохотно соглашаясь. – А если просто погуляем? По парку, а? У нас отличный парк!

– Ой, нет, простите, ребята. Я, наверное, лучше тут посижу, – неожиданно пошла на попятную «прекрасная незнакомка». – В парке лужи, и с деревьев капает, а здесь хорошо, тепло, настоящая весна.

– И вовсе там не капает! И беседки есть, уж в них-то точно сухо! – настаивал Прим. Он уже настроился на развлечение и упускать своего не собирался.

– Да, мы там всякие места знаем, – поддакнул Сек. – Есть совсем дальние уголки, там и не помешает никто.

– Чему не помешает? – удивлённо захлопало глазами белокурое создание.

– Так это... природой любоваться, – нашёлся младший Фелтингер. – Птичек всяких слушать. Любишь птичек?

– Очень. Особенно курицу, запечённую с апельсинами. У вас в парке апельсины растут?

– Вроде нет...

– Тогда точно не пойду. – Жертва, окончательно передумав быть жертвой, потянулась и откинулась на спинку скамейки.

Фелтингеры снова переглянулись, на этот раз недоумённо. Они явно потеряли нить разговора и теперь пытались сообразить, в какой момент всё пошло не так.

Алина уже откровенно хихикала, совсем забыв, что её ждут у главного входа. Лиза же, наоборот, становилась всё более напряжённой.

– Не знаю, какого оно пола, но ещё немного в том же духе, и Фелтингеры выйдут из себя окончательно, – пробормотала отличница, нервно теребя косичку.

– Он этого и добивается.

– Но они же его в порошок сотрут. Надо что-то делать! Может, кого-то из преподавов позвать? Или коменданта хотя бы?

– Расслабься и получай удовольствие.

Лиза смерила однокурсницу долгим суровым взглядом:

– Если что-то случится, это будет на твоей совести.

– Если что-то случится, это будет на его совести, – парировала Алина. – За чужие развлечения я ответственность нести не собираюсь.

До близнецов тем временем дошло, что над ними откровенно издеваются, и вариант «действовать лаской» отпал сам собой.

– Слушай, крошка, – с угрозой в голосе начал Прим, – ты, кажется, не понимаешь, с кем связалась!

– Вполне возможно, – легко согласилась несостоявшаяся жертва. – Вы, кстати, кто?

– Не твоё дело!

– Но вы же только что предлагали познакомиться поближе. Так начинайте. Или уже передумали?

– Я с тобой сейчас познакомлюсь, выскочка! Так познакомлюсь, что всю жизнь потом в кошмарах являться буду, заснуть не сможешь! – потерял терпение Сек.

Возможно, если бы он не решил подкрепить слова действием, ситуацию ещё можно было бы выправить. Но младший Фелтингер вскочил, навис над ангелоподобным созданием, вжал его в лавку и...

Алина так и не поняла, что Сек хотел сделать: зажать жертве рот, ударить, поцеловать или просто тряхнуть за шиворот. Успела заметить лишь удивление, с которым нападавший уставился на собственные руки, сжимающие модный светлый плащик.

Только плащик. Потому что его хозяина на прежнем месте уже не было, он невесть как оказался за спиной Фелтингера и стоял там, демонстративно посмеиваясь. Широкая улыбка совершенно не сочеталась с холодным презрительным взглядом.

И на девушку он теперь совсем не походил. Как, впрочем, и на мальчишку. Внешность не изменилась, но выражения лица оказалось вполне достаточно, чтоб окружающие сообразили, что с этим человеком лучше не связываться.

По крайней мере, Лиза поняла сразу и, ошарашенная метаморфозой, тихо спросила у подруги:

– А это вообще кто?

– Государственная тайна, – отмахнулась Алина.

Фелтингеры, на их беду, особой пронизательностью не обладали. С их стороны ситуация выглядела просто: если кто-то над ними смеётся, надо его заткнуть. Особенно если смеющийся на голову ниже и гораздо слабее. По крайней мере, внешне.

Близнецы накинулись на противника одновременно с двух сторон. Два здоровенных кулака метнулись вперёд, стремясь стереть усмешку с миловидного лица, но в цель не попал ни один. Хрупкое существо неопределённого пола молниеносно отступило назад, крутанулось вокруг собственной оси и одновременно – вокруг Прима и перехватило того за запястье. Хруст сломанной руки и вопль её владельца прозвучали почти одновременно.

Второй Фелтингер увидел, как брат корчится от боли, глухо зарычал и бросился на обидчика с удвоенным пылом. Чтоб через мгновение обнаружить себя валяющимся на газоне с разбитым носом и шатающимся зубом.

Энтузиазма у него, впрочем, не убавилось. Сек всерьёз собирался встать и навалить этой мелкой сволочи... но тут со стороны парка многозначительно раздалось:

– Так-так! Что я вижу? Господа студенты, вы попали в неприятности второй раз за день? По аллейке, ведущей от парка, приближался Перфи, небрежно помахивая портфелем.

– Да мы вообще ничего не делали, – гнусаво запротестовал Сек, вытирая кровь с лица. – Просто мимо проходили, а эта... этот... – Парень замялся, не в силах определить, кто же их всё-таки побил, и обтекаемо заключил: – На нас напали!

– То есть я правильно понимаю, что на двух здоровенных лбов напал этот милейший человек?

«Милейший человек» тем временем забрал с лавки плащ, закинул его на плечо и сердечно улыбнулся Перфи:

– Здравствуйте, профессор. Кажется, мальчик головой ударился, вот и несёт какую-то чушь. А второй вообще упал и руку повредил. Вы бы приглядывали за своими учениками.

– А это не мои, – легко отмахнулся географ. – У этих двоих другой куратор, вот пусть он с ними и мучается. Кстати, господа студенты, вам напомнить, где находится лазарет, или сами найдёте?

Фелтингеры местонахождение лазарета знали прекрасно, хотя сами там появлялись редко, в основном других отправляли. Судя по злобным взглядам, они и сейчас были не прочь сплавить туда непонятого обидчика, но поостереглись связываться с ним при преподавателе и послушно поплелись в указанном направлении, поддерживая друг друга.

Перфи проводил их взглядом и пробормотал с лёгким укором:

– Господин Силь, я признаю, что опоздал на встречу, но неужели вы настолько устали ждать, что начали в отместку калечить студентов?

– Школа существует, чтоб они могли учиться. Вот я и преподаю урок, – резонно заметил замглавы разведки Истока. – Принесли?

– Да. Здесь всё, что вы просили. – Профессор вытащил из портфеля папку с документами и несколько миниатюрных баночек и протянул собеседнику. – Могу быть ещё чем-то полезным?

– Пока нет, спасибо. Тем более, вас уже ждут. – Силь кивком указал на полуприкрытую дверь общежития, за которой притаились девушки. – Кстати, здравствуй, Алина. Хорошо выглядишь.

– Здравсьте, – пробормотала студентка, неохотно выбираясь из укрытия.

То, что её заметили (и, судя по всему, довольно давно), оказалось неприятным сюрпризом. Но гораздо более неприятным стало внезапно нахлынувшее ощущение, что всё произошедшее – спектакль, разыгранный специально для неё. Смотреть его, конечно, было очень увлекательно, и в целом Фелтингеры получили по заслугам, но переход от фарса к кровопролитию оказался чересчур внезапным.

Всё-таки до этого она знала Силя с совсем другой стороны.

Хотя... знала ли? Видела пару раз мельком.

Но он дружил с Ракуном, и этого было достаточно, чтоб считать миниатюрного разведчика хорошим человеком. Или хотя бы неплохим.

Но разве неплохие люди улыбаются, ломая окружающим руки? Да и вообще, нормально ли ломать руку человеку, который, по сути, ничего тебе не сделал? (Хотя, если вдуматься: собирался сделать, просто не успел.)

– Алина, прости, я немного задержался, – покаянно склонил голову Перфи, прерывая её размышления. – Но раз ты ещё не дошла до главного входа, то, может, сделаешь вид, что не заметила моей оплошности?

– В крайнем случае, мы можем подойти к нему одновременно с разных сторон и порадоваться, что так удачно совпало, – осторожно улыбнулась девушка.

Сейчас она готова была оказаться где угодно и с кем угодно, лишь бы подальше от Силя и закапанной кровью травы. А заодно и от Лизы, удивлённо глядящей вслед. Отличница явно жаждала объяснений, но Алина совершенно не представляла, что ей сказать.

Глава четвёртая, в которой ищут информацию, а находят неприятности

– Избиение младенцев, – первым нарушил молчание Перфи.

Алина кивнула. Сама думала о том же. И ещё немножко – о том, как примет их нынешний обитатель особняка Эллертов. Хорошо, если попадётся добрая старушка, которая напоит чаем, проводит до кабинета и великодушно оставит юную магиссу наедине с её прошлым. А если нет? Если их встретит какой-нибудь хмырь, который непременно захочет присутствовать при поисках информации? Или хозяев вообще не окажется дома, а слуги незваных гостей даже на порог не пустят?

И чем ей тогда поможет преподаватель географии? Сочувственно по плечу похлопает?

С другой стороны, он уже помог. Одна Алина ещё долго не рискнула бы никуда пойти.

Девушка тряхнула головой, отгоняя грустные мысли. Пока что всё складывалось неплохо: дождь кончился, деревья вдоль дороги радовали взгляд первыми зелёными листочками, в небе с дикими воплями носились ушедшие в загул марты, и даже Фелтингеры на ближайшие несколько дней были выведены из строя, хоть и не совсем законным методом.

Если бы их избил другой студент, того непременно ждало бы долгое и занудное разбирательство, но Силю вряд ли что-то грозило из-за такой ерунды. Однако...

– Вы его не любите? – спросила Алина, чтоб хоть как-то поддержать разговор.

– А за что его любить? – Перфи нервно поскрёб щёку и с удивлением обнаружил на пальцах остатки раздавленного комара. – Для него люди – как такие вот насекомые, прихлопнет и не заметит. Злобный мелкий паршивец.

– Он не злой! Ну, то есть не со всеми злой! – Девушка помнила, как Силь летом смотрел на горящий особняк Тивасара, как до последнего ждал и верил, что Рақун оттуда выберется. И как потом на него ругался. И всю обратную дорогу до Викены продолжал ругаться, пока не заснул на полуслове. – О друзьях он заботится!

– К счастью, я к ним не отношусь.

– Предпочитаете считать себя насекомым?

– Предпочитаю не взаимодействовать с этим человеком без особой необходимости, – уклончиво ответил профессор.

– Это не мешает вам на него работать. – Алина снова говорила быстрее, чем успевала подумать о смысле слов, слетающих с языка. Но слишком уж было любопытно, что Перфи передал Силю.

Мужчина ничего не ответил, только посмотрел укоризненно, как на ребёнка. (И правильно, в принципе, сделал. Кто ж такие беседы посреди улицы ведёт?)

– Алина, ты не забыла одну вещь?

– Что вы сейчас делаете мне одолжение, а я веду себя как глупая девчонка, которая обожает совать нос в чужие дела? – вздохнула студентка.

– Нет, что мы перешли на ты. И ещё у тебя браслет дрожит.

Браслет действительно слегка вибрировал, рука под ним чесалась, но девушка не обращала на это внимания, списывая зуд на комаров. Хотя в этот раз кровососы были ни при чём.

Алина стянула украшение и прочитала высветившуюся на внутренней стороне надпись: «Уехали в Викену по делам. Не вздумай прогуливать, вернись – проверю конспекты!».

Подписи не было, но сочиняла послание явно Нина, Рақун в жизни бы про конспекты не вспомнил.

Но по каким таким делам их могло занести в Викену, да ещё и вдвоём? И, судя по всему, на лодке, потому что легальный выезд за пределы Истока Нине ещё года два не грозил, а Алине и подавно. Новоиспечённых магов первое время даже с территории школы выпускали очень неохотно, а на посещение других миров вообще требовалось отдельное разрешение, и выдавали его только после завершения учёбы.

– Что-то случилось? – поинтересовался Перфи.

– Нет, всё в порядке. – Алина вернула браслет на место. – Долго нам ещё идти?

– Ты что же, не знаешь, где ваше родовое гнездо? – удивился профессор.

– Неа. Я его видела только раз, да и то издалека и мельком, когда мимо проезжали. Но это было давно, я тогда в городе почти не ориентировалась. Да и сейчас не особо...

– Тогда любишь. – Перфи театрально взмахнул рукой, указывая в просвет между домами. – Вон ту красную крышу видишь? Туда нам и надо. Через пять минут будем на месте.

Добрались они даже быстрее, но к этому времени Алина окончательно раскаялась в стремлении быть красивой. Узкое платье с каждым шагом задиралось всё выше, и приходилось постоянно его одёргивать, а каблуки туфель норовили застрять между камнями брусчатки, которой был выложен весь центральный район. Кроме того, солнце клонилось к закату, с реки ощутимо тянуло прохладой и сыростью, и очень хотелось накинуть сверху вместо ажурной кофточки что-нибудь действительно тёплое.

Например, куртку.

Длинную серую куртку, в которую можно трёх Алин запихать, и ещё место останется.

Куртка лежала в общаге, её владелец скорее всего торчал на работе и вряд ли вспоминал сейчас о девушке, которую летом похитил, а потом пытался спасти. И у этой девушки не было никаких причин стыдиться того, что сейчас она идёт рядом с совсем другим человеком.

Совершенно никаких причин.

Абсолютно.

Но она всё равно чувствовала себя так, будто в чём-то провинилась.

Перфи тоже нервничал, и заметно: то и дело поправлял очки и воротник рубашки, пытался почесать искусанную комаром щёку, но одёргивал себя и натягивал на лицо беззаботную улыбку. И волновался он явно не из-за спонтанного свидания. Скорей уж из-за чего-то произошедшего незадолго до него. Не зря же он опоздал на встречу...

– Профессор... – начала Алина, но поспешно исправилась. – Фран, если вам некогда или просто не хочется со мной идти, то не надо себя заставлять. Я справлюсь сама, честно.

– Если я сейчас уйду, ты дойдёшь до дома, несколько минут потопчешься на пороге, а затем сбежишь обратно в школу. И хорошо, если не заблудишься по пути. Разве я, как преподаватель, могу такое допустить? Моя обязанность – не только обучать студентов, но и защищать.

– Фелтингеров вы не больно-то защищали.

– В-первых, они сами виноваты. Во-вторых, к моему приходу всё уже закончилось, и любое противодействие только обострило бы ситуацию, поверь. С некоторыми людьми лучше не спорить. А в-третьих, ты уверена, что тут вообще кто-то живёт?

Из-за резкого перехода с одной темы на другую Алина не сразу сообразила, о чём речь. И только несколько секунд спустя догадалась перевести взгляд со спутника на окружающий пейзаж.

Они стояли перед высокими коваными воротами, слегка покосившимися и увитыми засохшими веточками прошлогоднего плюща. Створки были заперты на здоровенный замок – самый обычный, типа амбарного, причём изрядно проржавевший. Казалось, его не открывали целую вечность.

Сад за воротами тоже выглядел заброшенным: засохшие и нестриженные деревья, поросшие травой тропинки, пустые бутылки (не то забросили через забор, не то прямо на месте распили и оставили) и, совсем уж внезапно, рваный ботинок. Почему-то один.

Дом смотрел на окружающее запустение тёмными провалами разбитых окон и поскрипывал рассохшейся дверью – и это было очень странно. Земля в Истоке стояла дорого, и с трудом верилось, что кто-то мог за бешеные деньги арендовать особняк, чтоб не появляться в нём годами. Тем не менее, жить в таких условиях могли разве что бродяги.

Перфи для приличия подёргал ворота, убедился, что они не открываются, и вопросительно посмотрел на Алину:

– Что делать будем?

– А это вообще тот дом?

– Тот самый. Я тут, конечно, давно не был, но всё-таки не настолько, чтоб перепутать.

Девушка задумалась. Отступать в шаге от цели и возвращаться ни с чем было бы обидно, а лезть в заброшенный дом – безрассудно. Впрочем, рассудительность никогда не была её сильной стороной.

– А какое в Истоке наказание за незаконное проникновение в чужое жилище?

– Не знаю, это к юристам, – пожал плечами географ. – Но, Алина, это вообще-то твоё жилище. Ты хозяйка этого дома.

– Предлагаете заглянуть?

– Нет, но и отговаривать не буду. Зря пришли, что ли? – Перфи прогулялся вдоль ограды, выискивая дыры, не нашёл и сощурился, примериваясь к ажурной решётке. – Тебя посадить, или сама справишься?

Видимо, вопрос о дальнейших действиях можно было считать решённым.

Алина в очередной раз одёрнула платье и мысленно прокляла каблук. Лазать по заборам она так и не научилась, но одно дело – выставлять себя на посмешище в джинсах и кроссовках, и совсем другое – в приличной одежде. Но ворота выглядели довольно удобными для карабка, и девушка решила рискнуть.

В целом – получилось. Особенно если не учитывать тот факт, что пока она забиралась наверх и спускалась во двор, профессор, исследователь, первооткрыватель и прочая-прочая успел бы перелезть туда-обратно раз десять, и ещё передохнуть после этого. Ему такая стена явно не казалась серьёзной преградой, после Гималаев-то!

К чести Перфи, он даже не смеялся над потугами студентки. Улыбнулся пару раз, конечно, но мало ли чему можно в жизни улыбаться. Может, наладившейся погоде радовался!

Пока Алина героически преодолевала забор, солнце окончательно уползло за горизонт, напоследок окрасив пейзаж в красно-оранжевые тона. С такой подсветкой дом и сад выглядели ещё более мрачно и даже немного зловеще. Девушка поёжилась, но упрямо двинулась к входной двери. Та оказалась открыта, и запереть её не получилось бы при всём желании – замок был выломан явно не вчера (и даже не в прошлом году).

В прихожей было темно и пахло как в вокзальном туалете, под каблуком хрупнуло стекло, и Алина замерла, боясь наступить на что-то ещё и дожидаясь, когда глаза привыкнут к недостатку освещения. Перфи поступил проще: вытащил из портфеля пару летучих фонариков, подбросил в воздух, и те с готовностью зависли над головами исследователей, постепенно наливаясь светом.

Темнота расступилась, и стала заметна царящая вокруг разруха: ободранные, изрисованные стены, вздувшийся паркет, разломанная мебель (точнее, её остатки), ворох рваных одеял в углу. И, к счастью, никаких обитателей импровизированного притона.

На фоне этого разгрома лестница на второй этаж выделялась первозданной чистотой, словно принадлежала другому миру. Алина подошла ближе, осторожно коснулась перил – и вокруг них тут же вспыхнуло и замерцало охранное поле.

– Если шагну вперёд, оно меня на куски разрежет? – спросила девушка, отдёргивая руку.

– Вряд ли. Скорее, просто оттолкнёт. Но лучше держись подальше на всякий случай, – задумчиво пробормотал Перфи, изучая преграду.

Осторожно потыкал в пружинящий барьер пальцем, огляделся, выискивая источник магической защиты, и уверенно направился к чудом уцелевшему каменному бюсту в углу. Алина следила за его действиями с нескрываемым любопытством, сама она арфактумы от обычных вещей на глаз отличать пока не научилась. Хотя тут, наверное, особого таланта и не требовалось: если в этом хаосе что-то не раздолбали, значит, или не смогли, или слишком боялись, что невинная скульптура может в отместку распылить вандалов на атомы.

Профессор коснулся бюста и замер, вглядываясь в магические схемы, невидимые постороннему глазу. Алина приготовилась к ожиданию, но всё закончилось неожиданно быстро: защита на мгновение вспыхнула, осветив помещение лиловым цветом, и растаяла без следа.

– Путь свободен! – объявил Перфи и первый двинулся наверх.

– Ловко вы, – похвалила студентка.

– Да там ничего сложного, просто выключатель. Слушается любого, у кого есть камень. Сама посмотри, если хочешь.

Алина хотела, даже очень. Немедленно подбежала к скульптуре, приложила к ней ладонь, зажмурилась, настраиваясь на магическое восприятие. Руку слегка покалывало электричеством, как от любого активного арфактума; кольцо на пальце ощущалось точно так же. Связь установилась почти сразу, а принцип работы защитного поля действительно оказался простейшим «вкл-выкл». За всем этим, конечно, прятались кропотливо составленные схемы и алгоритмы... Но кому надо разбираться в устройстве, например, дверного звонка, когда достаточно просто нажать на кнопку?

Магическая «кнопка» так и манила, и девушка, недолго думая, активировала схему.

Защитное поле снова полыхнуло, даже ярче прежнего. Перфи снесло с лестницы, протаскило по полу через всю прихожую и звучно впечатало в стену.

– Ой... – пробормотала Алина, отдёргивая руку, и бросилась к профессору.

Мысли в голове метались от «как бы ничего не сломал» до «лишь бы теперь не отчислили!» и «куда девать труп?».

К счастью, проблема с трупом решила сама собой: Перфи застонал, осторожно пошевелился и открыл глаза. Удивлённо заморгал, стянул с носа очки и сощурился, разглядывая потрескавшиеся стёкла.

– Алина... – укоризненно протянул он, – я предложил посмотреть, а не экспериментировать.

– Простите, – выдавила девушка. Стыдно было до слёз, и любые оправдания казались бессмысленными. – Я нечаянно. Не подумала... Вам очень больно?

– Да нет, оглушило просто. – Профессор водрузил очки обратно и довольно ловко поднялся на ноги. – У меня автоматический щит на подобные штуки... был...

Перфи задрал рукав, обнажая обвивший запястье шнурок с нанизанными на него арфактумами. Один из них – простенькая деревянная подвеска – слегка дымился. Рядом висел и камень: серо-голубой, почти прозрачный, без оправы и каких-то украшений. Даже к браслету он крепился с помощью обычной верёвки.

Заметив взгляд Алины, профессор торопливо одёрнул рубашку и велел:

– Отключай защиту. Только в этот раз давай без баловства.

Пристыжённая магисса вернулась к бюсту и послушно убрала охранное заклинание. Подниматься по лестнице уже не больно-то и хотелось, но ещё меньше хотелось предстать перед Перфи не только растяпой, но и трусихой.

Оставалось надеяться на то, что когда-нибудь этот день, полный дурацких ошибок, закончится.

Новая попытка добраться до второго этажа прошла без приключений. Там не было и следа бардака, царившего внизу: все вещи на своих местах, никакой грязи и посторонних следов, разве что пыльно и темно.

– Насколько я помню, кабинет там, – указал на одну из дверей профессор. – Хотя можно и по другим комнатам посмотреть. Вдруг их тоже не трогали.

Алине было уже наплевать на другие комнаты, лишь бы побыстрее убраться из этого дома. Он, может, и был ей родным, но действовал гнетуще и напоминал не жилое здание, а фамильный склеп. Не то из-за заброшенности, не то из-за общей мрачной атмосферы, но сразу становилось понятно, почему Ракун отсюда сбежал и не горел желанием возвращаться.

Дверь кабинета оказалась закрыта на магический замок. Связываться с очередным заклинанием не было никакого желания, девушка уступила место Перфи, но тот, едва коснувшись медной панели, покачал головой.

– Заперто. Реагирует только на конкретные камни и их владельцев. Так что в этот раз справляйся сама.

Алина осторожно дотронулась до замка, пальцы кольнуло электричеством – и дверь с тихим скрипом подалась внутрь, будто только этого и ждала последние несколько лет. Изнутри повеяло затхлостью и плесенью.

– Тут с моего рождения не проветривали, что ли? – буркнула девушка, переступая порог.

– Похоже на то, – кивнул Перфи. – Сейчас окно открою.

Пока профессор возился с заклинившей рамой, студентка осматривалась. Светлячок парил над головой, разгоняя темноту, но его мощности категорически не хватало. Пятно света выхватывало поочередно кресло, стол, угол шкафа и дверцу здорового сейфа. Над сейфом висел портрет: огромный, ростовой, изображавший художавую темноволосую девушку.

В первый момент Алине показалось, что перед ней не картина, а зеркало – уж больно лицо на портрете напоминало её собственное. Разве что глаза отличались – они были не карие, а зелёные, удивительно яркие.

Незнакомка стояла на горном уступе, позади которого темнело ночное небо, любовно прорисованное до каждой звёздочки. Алина опознала созвездие Ориона, Большую Медведицу и Кассиопею – и на этом её астрономические познания закончились.

– Насколько я понимаю, здесь изображена твоя бабушка, – прокомментировал Перфи. – Или, возможно, ещё какая-то близкая родственница.

Окно наконец-то поддалось, в комнату ворвался свежий воздух, и сразу стало легче дышать и думать. Например, об истинной цели визита. Алина ведь пришла сюда в поисках информации, а не на портреты пялиться. Но рыться в родительских бумагах при преподавателе было неловко.

– Фран, можно я тут немного одна побуду? Осмотрюсь, и вообще.

– Хорошо, – легко согласился профессор. – Я тогда по другим комнатам пройду. Может, что полезное найду. Понадоблюсь – зови. И арфактумы сама не трогай! Или хотя бы не запускай!

Алина кивнула и украдкой поморщилась. Вот обязательно было напоминать об оплошности!

Но стоило Перфи выйти из кабинета, как она сразу забыла обо всех предосторожностях и решительно выдвинула верхний ящик стола. Потом средний. Потом нижний. И разочарованно вздохнула.

Интересные вещи внутри действительно водились: открытки, записки типа «Ушла в магазин, вернусь к ужину», театральные билеты, многочисленные тетради, исписанные формулами и изрисованные схемами. Здесь лежало даже разрешение на выезд из Истока на имя Галины Эллерт. Вот уж кто с именем не заморачивался, благополучно обходясь одним-единственным!

Ракун уверял, что это вышло случайно. Забыл предупредить новоявленную магиссу о том, что подобные вещи лучше держать в тайне, а она за короткое время успела перезнакомиться с такой кучей народу, что пытаться восстановить секретность было уже бесполезно.

В итоге решили прятать имя на самом видном месте и делать вид, что существует ещё одно, личное.

К счастью, проверять никто не стал.

К несчастью, её это не спасло.

Алина покрутила документ в руках, убрала в сумочку и с сомнением посмотрела на оставшуюся грудку бумаг двадцатилетней давности. Наверное, в другой ситуации девушка с удовольствием изучила бы их все, но сейчас время было явно неподходящее. Да и место тоже. Вот если забрать с собой и спокойно разобрать дома, в общежитии... Но для этого целый чемодан понадобится! И это только содержимое стола. А ведь ещё шкафы есть, и сейф!

Здоровенный металлический ящик манил и интриговал, но, конечно, не открывался. Защита на нём была двойная: магическая и обычная. Магическая покалывала пальцы, но никак проникновению не препятствовала (видимо, материнского камня было достаточно, чтоб считаться своей), а вот кодовый замок предлагал ввести набор из шести цифр и на уговоры не поддавался.

Алина наудачу выставила дату своего рождения, но уловка, так любимая авторами книг и фильмов, не сработала. Хотя...

Девушка вытащила календарик с подписанными датами родного мира, нашла нужное число... В пересчёте на местные реалии «01.07.99» превратилось в «18.04.31» – и замок сразу же звонко щёлкнул.

Внутри ожидаемо оказались бумаги, кипы бумаг. Похоже, их запихивали в сейф второпях, и кривобокая стопка не рассыпалась только потому, что за прошедшие годы смирилась со своим положением. Или просто намертво слиплась, потому что стоило Алине осторожно потянуть ближайший лист за уголок, и вся остальная куча подалась наружу следом за ним.

За шелестом бумаги девушка не сразу расслышала шум, донёсшийся из коридора. До этого там фоном звучали тихие шаги Перфи, изредка сопровождаемые скрипом дверей, а теперь вдруг раздался шорох, потом грохот и, кажется, стон. И снова шаги, но уже совсем другие – тяжёлые, торопливые.

Алина, забыв про всё, рванула к выходу из кабинета – чтоб столкнуться в дверях со здоровенным мужиком, хмуро взирающим на неё сверху вниз. Щёку незнакомца, закутанного в чёрный плащ, уродовал шрам от ожога, сам он по габаритам едва вписывался в дверной проём и в целом вид имел крайне зловещий.

Наверное, самым правильным было бы держаться от этого жуткого типа подальше, но бежать было особо некуда, не в окно же сигать.

– Здравствуйте... – пробормотала Алина, отступая назад и мучительно жалея об отсутствующих гранах или каком-нибудь другом оружии.

– Привет! – пробасил мужик и, молниеносно выставив вперёд руку, приложил ко лбу девушки какую-то прохладную штуку.

И Алина рухнула в темноту, не успев даже удивиться или испугаться.

* * *

Свет включился так же резко, как и погас.

Алина лежала на полу, вокруг была полнейшая тишина, над головой висел светлячок, и не покидало ощущение, что прошла буквально секунда. Только вот за окном успело окончательно стемнеть и основательно похолодать: сквозняк, гуляющий по комнате от окна до двери,

неприятно морозил ноги, руки, да и весь организм в целом. И, судя по всему, продолжалось это довольно давно.

Ну ладно, в этот раз её хотя бы не похитили, где уронили – там и оставили.

Девушка полежала ещё немного, собираясь с мыслями, но так и не поняла, что это сейчас вообще было. Точнее, кто?

Нынешний хозяин дома? Какой-нибудь алкаш с первого этажа? Грабитель?

Ну да, ведь они с Перфи отключили защиту, и теперь подняться наверх мог кто угодно.

Стоп, а где Перфи?

Сонное оцепенение как рукой сняло, Алина вскочила на ноги – и почти сразу же из коридора раздался тихий стон. Там профессор и обнаружился: стоял, подпирая стенку и ощупывая голову. Заметив студентку, он просиял и, пошатываясь, двинулся навстречу.

– Вы как? – спросила девушка и мысленно отругала себя за глупую фразу. И так понятно, что не очень. – Что случилось?

– Пока что не понял, – сознался Перфи. – Или на меня упала гиря, или кто-то огрел по голове. Но гирь поблизости не наблюдается. Ты сама-то в порядке?

– Да, я в норме. Он меня просто усыпил, или что-то такое сделал. Спину только отлежала...

– Он? Ты его видела? Того, кто это сделал? Сможешь описать?

Алина честно напрягла память, но та упрямо подсовывала только обожжённое лицо. Шрам настолько приковывал к себе внимание, что всё остальное словно терялось в тумане.

– Смутно... Меня больше интересует, чего он хотел. Если ограбить, то почему вломился именно в кабинет? Там и брать-то особо нечего. Разве что... – так и не договорив, девушка бросилась обратно в комнату. И сразу же убедилась в собственной догадке: сейф был пуст. Оттуда забрали совершенно всё, не деля вещи на нужные и ненужные.

А ведь она даже покопаться в бумагах не успела. Вот гадство!

– М-да... – вздохнул подоспевший Перфи. Он уже не шатался, но выглядел всё ещё бледным и даже слегка зеленоватым.

– Вам бы к врачу.

– Да ладно, так оклемаюсь. Жалко, конечно, что вместо приятной вечерней прогулки теперь придётся тащиться в милицию...

Алина погрустнела. Вот куда её совсем не тянуло, так это к стражам порядка. Потому что...

– Они сначала будут смотреть на меня как на дуру, а затем расскажут про всё дяде. И он меня убьёт. А тётя добавит.

– Ну да, родственники такое могут. А меня, видимо, уволят, – с невесёлым смешком поддержал профессор.

– За что? Вы же не виноваты ни в чём!

– О, тут ты не права! С точки зрения господина директора, у меня непозволительно длинный список прегрешений. Правильный преподаватель не должен фамильярничать со студентами, пить с ними пиво вечерами, подсказывать на экзаменах, лазить в заброшенные дома через заборы... В общем, должен быть таким же старым и скучным, как сам директор. Он мне давно говорил, что если ещё раз поймают на чём-нибудь неподобающем, то...

– Тогда, может, лучше будет никому об этом не рассказывать? – задумалась Алина.

– Из твоего дома только что спёрли содержимое сейфа. И на тебя тоже напали. Предлагаешь об этом просто забыть?

Соблазн забыть был очень велик. Да и опыт имелся: после летних приключений Алине так и сказали: «Не вздумай кому-то рассказывать, что произошло. И сама об этом вспоминай как можно реже». Она и не вспоминала. Так почему сейчас нельзя поступить точно так же?

И девушка решила:

– Это содержимое там лежало двадцать лет и за это время никому не понадобилось. Если бы там было что-то действительно важное, дядя давно забрал бы. Скорее всего, этот тип просто забрёл сюда с первого этажа и схватил первое, что попало под руку. Подумал, что раз было в сейфе – значит, ценное. Логично же?

– Логично, – неохотно признал профессор. – Это твой дом, твоё имущество и тебе принимать решение, но всё-таки...

– Фран, я уже решила! – обрубил Алина. – Ни в какую милицию я не пойду!

– А в кафе? – лукаво улыбнулся Перфи. – Не сейчас, конечно, и, боюсь, не завтра. Но дашь мне возможность реабилитироваться за этот дурацкий вечер?

С точки зрения Алины, реабилитироваться должна была как раз она, но учитывая постановку вопроса – отказаться было практически невозможно. Пришлось соглашаться.

Глава пятая, в которой жизнь сотрудников разведуправления идёт своим чередом

Судя по всему, Ракун считал абсолютно нормальным заваливаться к Лисару, как к себе домой, без предупреждения. По крайней мере, этому не удивились ни дворецкий, ни встретившаяся по пути старая кухарка Хильда. Сам Лисар не удивился тем более. Он обнаружился в столовой: флегматично что-то паял внутри небольшой металлической коробочки, так низко склонившись над столом, что только рыжая макушка из-за спинки стула виднелась. Запах жжёного металла мешался с сигарным дымом, и дышать в комнате было совершенно нечем.

– С самого утра тут сидит, – пожаловалась Хильда. – Ну разве ж можно такими делами заниматься в месте, где едят? Хоть бы скатерть пожалел!

– Я газетку подстелил, – не оборачиваясь буркнул хозяин дома, и тут же нервно дёрнулся: – А, чёрт! Да что за день такой?!

В воздухе ощутимо запахло горелой бумагой, тканью и деревом. Одновременно. Видимо, газетка стол не спасла.

– И что это будет? – поинтересовался Ракун, тыкая пальцем в коробочку.

– Ты опять поздороваться забыл.

– Да ладно тебе, – фыркнул магос. – Расскажи, жалко, что ли? А я тогда расскажу, зачем приехал.

– Ты и так расскажешь, – заметил Лисар, откидываясь на спинку стула. Он уже понял, что спокойно поработать всё равно не дадут. – Здравствуйте, госпожа Александра, и прошу прощения за беспорядок. Если он вас смущает, то ужин можно перенести в гостиную.

– А нельзя вот это всё перенести в гостиную? Или лучше сразу в мастерскую? – Ракун обнаружил под столом целый ящик таких же коробочек и немедленно полез в нём копать.

– Нельзя в мастерскую, это конфиденциальный заказ. И верни взрыватель на место. Нет, не в карман, а на место. Ну что ты как ребёнок, честное слово!

Магос вынырнул из-под стола без тени раскаяния на лице и дисциплинированно предъявил пустые руки. После чего этими самыми руками сграбастал Нину в охапку, взвалил на плечо и возвестил:

– Хильда, а сообрази-ка нам, правда, что-нибудь вкусенькое. Я со вчерашнего дня не ел.

Нина вырываться даже не пыталась, всё равно бесполезно. Несмотря на внешнюю худощавость, силы Ракуну было не занимать. Проще смириться, чем объяснить, что нормальные мужчины женщин на руках носят немного другим способом.

Тем более, есть действительно хотелось, потому что завтрак был очень ранним и очень лёгким, а обеда не было вообще. Весь день увлечшийся очередной авантюрой магос таскал свою спутницу по магазинам в поисках идеального платья, украшений и аксессуаров, а потом вместе со свежескупленными вещами запихал в лодку и отчалил в туман.

И даже там, в тумане, на все попытки Нины объяснить, что она никогда не бывала на балах, не знает, как себя вести, не умеет танцевать и не горит желанием учиться, в ответ досталось только уверенное:

– Ничего страшного, на месте разберёшься.

Лисар, когда ему это всё рассказали за ужином, неожиданно принял сторону друга.

– Танцы – не та проблема, из-за которой стоит переживать. Даже если кто-то пригласит, всегда можно отказаться, никто силком не потащит. А вот посмотреть на сильных мира сего вам не повредит, тем более что вы теперь тоже принадлежите к этому кругу.

– И что я там делать буду? Просто стоять в углу и глазеть?

– Можно и так. А можно, например, поиграть в карты, послушать музыку, познакомиться с кем-нибудь... Поесть, в конце концов. – Лисар подхватил с тарелки колбаску и улыбнулся ей, как давней возлюбленной. – Власта Мир знает толк в еде, уж поверьте мне на слово.

– Тебе бы только поесть! – Ракун перевёл взгляд с хозяина дома на портрет его деда, украшающий стену. – Скоро станешь таких же габаритов, как старый Лис.

– Я не толстый, просто большой. Это ты доходяга. Не кормите вы его, госпожа Александра.

– Можно просто Сандра? – попросила Нина.

Вся эта напускная церемонность её раздражала. Может, с незнакомыми людьми она и была уместной, но в этом доме и с этим человеком казалась откровенно лишней.

– Хорошо, – легко согласился Лисар. – Тогда я просто Алекс, и давно пора называть меня именно так. В конце концов, вы – достопочтенная магисса, а я – скромный механик.

У скромного механика кроме особняка в центре Викены была ещё парочка домов в этом мире, столько же – в Истоке, а также несколько фабрик и заводов по производству всего подряд, включая оружие. И лисапедная мастерская для души.

У достопочтенной магиссы были золотисто-жёлтый камень на шее и комната в школьной общаге, которую оплатил Ракун, поэтому Нина в ответ только грустно улыбнулась.

– Скажи-ка, властелин проводов и шестерёнок, – вмешался магос. – Зачем тебе всё-таки тот взрывоопасный ящик?

– Говорю же, заказ. Срочный, между прочим, доделывать надо, а я тебя разговорами развлекаю.

– То есть если на днях что-нибудь взорвет, мы все знаем, кого в этом винить?

– Конечно. Например, некоторых безответственных личностей, которые шляются по балам вместо того, чтоб выполнять свою работу и обеспечивать безопасность государства.

– У меня выходной. Что хочу – то и делаю. – Ракун немного покачался на стуле, с расслабленной улыбкой пялясь в пространство, но вдруг посерьёзnel. – А на самом деле?

– Успокойся, всё законно. На юге строят железную дорогу через горы, тоннель пробивают. Естественно, взрывают, не молотками же долбить. Причём взрывчатка у них своя, у меня только детонаторы заказали. Завтра сам поеду отдавать, заодно документы проверю.

– То есть можно не бояться, что ночью мы все взлетим на воздух? Сами по себе эти штуки не взрываются?

– Взрываются. Но не сильно. – Лисар расправился с очередной колбаской и блаженно сощурился, как никогда напоминая крупного рыжего лиса, пригревшегося на солнышке. – Даже если столовая рванёт, жилое крыло и гостевые комнаты всё равно уцелеют.

– Вы поэтому именно там всё делали? – сообразила Нина.

– Нет, там просто светлее. И стол удобный, – отмахнулся механик. – Пирог берите. Очень вкусный!

* * *

– Вот уже более семидесяти лет Исток является парламентской монархией, – вещал очередной преподаватель, но Алина слушала вполуха.

С утра снова зарядил дождь, на улице было пасмурно и сыро, в аудитории – холодно, немногочисленные студенты зевали и, кажется, сами не вполне понимали, что заставило их притащиться на лекцию в такую рань. Алина, напротив, чувствовала себя на удивление бодро, хотя поспать удалось совсем немного.

До общежития она добралась глубокой ночью, долго ругалась с комендантом из-за позднего возвращения, а потом просто лежала в кровати и пялилась в потолок. Сон не шёл, в крови бурлил адреналин, в голове роились мысли и воспоминания, и чесалась ссадина на руке – ударились, когда грохнулась на пол.

Задремать получилось только под утро, да и то ненадолго – через несколько часов девушка вынырнула из сонного марева, убедилась, что пробуждение окончательное, и обречённо пошла на историю. Надо же хоть раз в жизни послушать, о чём там говорят!

Говорили о форме правления и действующей власти, причём в таком высокопарном тоне, что слушатели то и дело начинали хихикать. Особенно когда речь заходила о Совете магнатов, которые «денно и ночью радеют о быте и благосостоянии простых граждан и трудятся на благо общества».

Собственно, магнаты и составляли верхнюю палату местного парламента. Нижняя, как ей и положено, была слеплена из всех остальных социальных слоёв, но им пафосных речей от лектора не досталось. Существуют – и ладно.

Сложнее всего оказалось вписать в эту систему магов, которые, теоретически, вообще ни к какому сословию не относились. С одной стороны, они были сплошь наследники древних родов, крутые, как варёные яйца павлина. С другой – среди них встречались выходцы из разных миров и семей, разного образования и воспитания. И занимались они после выпуска из школы совершенно разными вещами.

Маги Истока работали курьерами и перевозчиками, лечили больных, трудились в лабораториях и офисах, преподавали и даже обеспечивали спецэффекты в театре. Фактически, представители высшей касты этого мира вкалывали не меньше, чем обычные люди. Те, разумеется, которые вообще где-то вкалывали.

Потому что магнаты подобными занятиями себя, понятное дело, не утруждали. И вот как раз они почти поголовно были либо магосами, либо наследниками-клиссами.

Чтоб хоть как-то уложить это в голове, Алина мысленно поделила магов на высокопоставленных (типа покойного Тивасара и его жены) и обычных (как Ракун и тот же Перфи). Стало немного понятнее, но всё равно странно.

С гораздо большим интересом она послушала бы не про парламент, а про монарха, но эту тему препод так старательно обходил стороной, что студентка даже не поняла, как зовут местного главу государства и какого он пола. И, кстати, маг ли вообще? И где живёт? Ничего, хотя бы отдалённо похожего на дворец, поблизости не было. Да и вообще, ничто в Истоке не указывало на то, что в этом мире есть король. Или не король? Царь? Император какой-нибудь?

Лиза наверняка знала ответ, но сейчас она так прилежно внимала лектору, что отвлекать казалось кошунством. Поэтому Алина решила отвлечься сама: вытащила из сумки подаренную Перфи фотографию и задумчиво на неё уставилась. С обратной стороны виднелась полустёртая от времени надпись «Гектору от В.М. 1832 год».

Год смерти родителей по местному календарю.

Девушка перевернула фото, пробежалась взглядом по лицам... и почти сразу же вполголоса выругалась, проклиная собственную невнимательность.

– Госпожа Эллерт, вы что-то хотите спросить? – Слух у преподавателя, как выяснилось, был отличный.

– Нет, господин профессор. Вам показалось, – пробормотала студентка, торопливо прикрывая снимок тетрадью.

Спросить-то она хотела, причём срочно, но совсем у другого человека.

В итоге Алина еле-еле досидела до конца занятия. Минуты казались бесконечными, слова лектора пролетали сквозь голову, минуя мозг, а фантазия в это время подсовывала совершенно шальные гипотезы, подтвердить или опровергнуть которые мог только Перфи.

Но его, как назло, не оказалось ни на кафедре, ни в кабинете. Висевшее в коридоре расписание тоже ничем не помогло: занятий по географии внешних миров ни у кого не было не только сегодня, но и завтра, и в свой законный выходной профессор мог оказаться где угодно. Даже, например, дома. Но студентка, выбивающая из окружающих адрес преподавателя, выглядела бы более чем странно. Да и не скажут ей.

Но вдруг с ним что-то случилось? Он же вчера по голове получил. Может, валяется где-нибудь без сознания и даже на помощь позвать не может? Или на него опять напал тот тип...

Алина снова вытасила фотографию, всмотрелась в неё, убедилась, что не ошиблась, – и, отбросив последние сомнения, поспешила в город. К одному из немногих зданий, дорогу до которых помнила совершенно точно.

Она, конечно, обещала в милицию не ходить... Но для того, чтоб увидеться с милитом, пусть и бывшим, нарушать обещание вовсе не обязательно.

И пусть Долан отчитает её за вечернюю вылазку, но всё равно поможет. Не может не помочь! А если повезёт – ещё и куртку заберёт наконец-то.

* * *

После увольнения из милиции жизнь Виктора Долана не особо изменилась. Он всё так же вставал на рассвете, делал зарядку, читал утреннюю газету, гладил свежую рубашку и отправлялся на службу.

Исключения из привычного графика, конечно, случались: тогда бывший милит просыпался на диване в кабинете, торопливо умывался и брился, вливал в себя кофе и возвращался к куче важных и совершенно неотложных дел. Но такие дни и на прошлой работе встречались, только там дивана не было. И личного кабинета тоже.

Да и вообще в управлении разведки о сотрудниках заботились явно больше, чем в милиции. И измерялась эта забота, конечно, не в диванах с кабинетами, а в своеобразном взаимном доверии.

Долан почувствовал разницу в отношении почти сразу, только долго не мог понять причину, списывая её на личное знакомство с руководством. Хотя какое там знакомство? Наворотил ошибок, показал себя с самой дурацкой и уж точно не с самой профессиональной стороны, спросил у будущего начальства «Эй, пацан, не подскажешь, кто здесь главный?», за что внезапно получил новое место работы. И кабинет с диваном.

Занимался он теперь, в принципе, тем же, чем и раньше: вычислял и ловил преступников. Но если полномочия милиции распространялись исключительно на Исток (и изредка на Викену), то разведчиков могло занести куда угодно, действовать приходилось не всегда легально, а молчать о результатах этих действий – практически постоянно. Впрочем, молчать было легко, Долан никогда не был слишком разговорчивым. Да и общаться за пределами управления теперь стало не с кем – прежние коллеги считали его перебежчиком и чуть ли не предателем.

Две организации всегда друг друга недолюбливали, хотя официально и делали общее дело. Точнее, вырывали это дело из рук друг друга, пытаясь выставить себя в наиболее выгодном свете и выслужиться перед вышестоящими. В случае с милитами – перед Советом магнатов. Это было важно, от Совета зависело, например, сколько магических камней выделяют для новобранцев. И выделяют ли их вообще.

Фактически – вся милиция продалась с потрохами за эти камни. Изнутри это не так бросалось в глаза, но со стороны оказалось особенно заметно.

Вот в этом-то и состояла разница. Управление разведки не лизало пятки Совету и Фонду распределения ради ценных арфактумов, а как-то справлялось своими силами: за счёт сотрудников, их квалификации – и того самого непонятого доверия.

Это было странно, это было идеалистично, это казалось совершенно нереальным – но старушку Леду здесь действительно любили, а её заместителя – уважали.

Хотя иногда Долан очень хотел этого красавчика убить. Например, когда зашёл утром в кабинет и обнаружил его сидящим прямо на столе с документами.

– Заходи, хватит на пороге торчать, – велело начальство, и бывший милит послушно шагнул вперёд и прикрыл за собой дверь.

– Чем обязан такому раннему визиту?

– Вот этим. – Силь швырнул через всю комнату папку, нисколько не сомневаясь, что её поймут. – Пару часов назад нашли мёртвым старика. Жил отдельно, умер ночью, предположительно от сердечного приступа. На шее след от укола, но никаких признаков отравления не нашли. Пока что. Но ищут.

– А почему к нам, а не к милитам? Чей-то родственник? – удивился Долан. Обычно разведка такими делами не занималась, а тут аж начальство лично явилось указания раздавать.

– Ты досье его почитай.

Долан почитал. На первый взгляд, не было там ничего необычного. Николас Лар, детей нет, жены нет, родители давно умерли. Пределы Истока ни разу не покидал – всю жизнь мечтал уехать, но так и не смог получить разрешение на выезд и скопить достаточно денег. Жил тихо, работал на заводе, близко ни с кем не общался, но к старости слегка поехал крышей (возможно, на почве одиночества) и начал рассказывать окружающим, что может убить их взглядом, но не будет, потому что жалостливый. Но за квартиру платил исправно. Хозяйка квартиры его и нашла, придя рано утром за деньгами.

– Бред какой-то. Старик как старик, – вынес вердикт бывший милит. – Кому он мог настолько помешать, что аж до убийства дошло?

Силь едва заметно поморщился и посмотрел на подчинённого сверху вниз. Для этого, небось, и на стол забрался, чтоб иметь возможность вот так смотреть!

– Два вопроса: часто ли ты встречал людей, которые могут убить кого-то взглядом? И второй: почему эти люди предпочитают жить вне Истока?

– А... – протянул Долан. С такого ракурса дело действительно имело смысл. Вот только: – А если совпадение? Если просто псих и просто хотел уехать? Может, решил, что в Викене климат лучше.

– Климат в Викене точно лучше. Но сомневаюсь, что обычного безобидного психа стали бы убивать неизвестным ядом. Поэтому работай, Виктор, работай. И с отчётом сразу ко мне, минуя всякую бюрократию. Всё, можешь приступать.

Силь легко спрыгнул со стола (хоть бы одна бумажка шелохнулась!) и покровительственно похлопал Долана по плечу. Учитывая, что ростом шеф был по это самое плечо, выглядел жест забавно, но улыбнуться бывший милит не рискнул. Не тот случай.

Вместо этого Долан терпеливо дождался, пока за начальством закроется дверь, и разложил по столу полученные документы, в которых предстояло разобраться. Но не успел он толком вникнуть в дело, как в дверь настойчиво постучали.

– Да! – не поднимая головы, крикнул Долан.

Расшифровать это можно было как угодно, например «Да катитесь вы все к чёрту, я занят», но стучавший предпочёл вариант «Заходите, открыто».

– Капитан, тут ваша девочка пришла, – возвестил возникший на пороге парень. За его плечом застенчиво переминалась с ноги на ногу Алина.

С точки зрения Долана, девочка была совершенно не его, а своя собственная. В крайнем случае, дядина и тётина. Но спорить не хотелось, поэтому он просто кивнул, приглашая Алину

войти. Та сразу же плюхнулась на диван и уставилась на бывшего милита, как нашкодивший котёнок.

– Что вы опять натворили, госпожа магисса? – поинтересовался Долан.

– Почему сразу натворила? – так наигранно удивилась девчонка, что последние сомнения развеялись сами собой. – Может, я просто в гости решила зайти? Куртку принесла вот.

Куртку она действительно принесла, правда, на себе. Под ней оказалась короткая майка на тонких ляпочках, и даже в окно смотреть не требовалось, чтоб понять – без верхней одежды Алина на такой погоде в пять минут подхватит простуду, если не что-нибудь более серьёзное.

Естественно, выпускать её на улицу в таком виде никто не собирался. Но и ждать, пока малолетняя непоседа наконец перейдёт к настоящей цели визита, времени не было. Пришлось импровизировать:

– Хорошо, оставляйте. Спасибо, что занесли, но сейчас я занят. Поговорим в другой раз, ладно?

Вместо ответа девчонка демонстративно разулась и устроилась на диване с ногами, всем своим видом показывая, что с места не сдвинется, пока ей не уделят достаточно внимания.

– У меня, кажется, проблемы... – неохотно начала она. – В общем, вот.

Алина вытащила из сумки старую фотографию, но разобрать, что на ней изображено, издали не получалось. Пришлось всё-таки встать и перебираться на диван.

При ближайшем рассмотрении фото оказалось групповым портретом. Девчонка уверенно ткнула пальцем в центр снимка и заявила:

– Вчера вечером на меня напал вот этот чувак.

* * *

Ирма красила ногти, это Силь почуял ещё из коридора. Голова, нывшая с самого утра, миготом отреагировала на запах усилившейся болью в висках – всё ещё терпимо, но очень неприятно.

– Заканчивай, – велел замглавы разведки, проходя в приёмную. – Что-нибудь важное есть?

– Вас Леда искала, – отозвалась секретарь, послушно смахивая разноцветные бутылочки в ящик стола.

Сегодня ногти и губы у неё были ярко-красными, а волосы – огненно-рыжими, и Силь привычно задумался, продержится ли новый имидж хотя бы неделю. Без косметики Ирма была невзрачной серой мышкой с совершенно незапоминающимся лицом, но с помощью макияжа и причёсок творила чудеса. Мало кто из сотрудников управления не смотрел восторженно вслед, когда она проходила мимо, звонко цокая каблучками.

Впрочем, взгляды многочисленных поклонников секретарь умело игнорировала и служебных отношений не заводила принципиально. Хотя слухи о её связи с собственным шефом, конечно, всё равно ходили, и опровергать их Силь не спешил. Он уже давно смирился, с тем, что Ирму записали ему в любовницы, старушку Леду – в матери (как вариант – в бабушки), а его самого превратили в непобедимую боевую машину, которая убивает за косые взгляды и случайные жесты.

Вот о последнем Леда наверняка и собиралась разговаривать. Но как же не вовремя-то!

У Силя не было ни малейшего желания выслушивать поучения о том, как надо себя вести с окружающими. Хотелось забиться куда-нибудь в темноту и тишину и поспать. Хотя бы немного, пока ещё можно. Потому что очень скоро будет не до того.

– Ирма, купи мне билет на сегодняшний паром до первого витка, отдельную каюту. И транспорт организуй. Отмени все встречи на ближайшие два... нет, лучше три дня.

Девушка мигом перестала любоваться свежим маникюром, погрузилась, но записывать поручения не стала. Весь перечень того, что нужно сделать, за годы работы был выучен наизусть.

– Если понадобится – вас искать у господина Лисара?

– Меня не искать, – обрубил Силь. – Но – да, у него. И раздобудь мне апельсин.

Ирма немедленно выложила на стол сразу два. Силь постарался не думать, зачем она их у себя держит, просто взял ближайший, надорвал кожуру и принялся. Стало немного легче.

В итоге он прямо так с апельсином к Леде и пошёл. Она не удивилась. Или сделала вид, что не удивилась.

Глава управления разведки Истока была сухонькой старушкой ростом даже ниже Силя, поэтому с посетителями предпочитала общаться сидя в высоком кресле. Но для собственного заместителя сделала исключение – выбралась из-за стола, встала напротив, упёрла руки в бока и принялась отчитывать:

– Мальчик мой, что за детские игры ты опять разводишь? Мне доложили о твоей последней выходке в школе. Сломать руку студенту – это же надо было придумать!

– Они первые начали, – равнодушно пожал плечами Силь.

Малолетних дуболомов было не жалко совершенно, и сломанная рука казалась не слишком большой платой за чью-нибудь сломанную жизнь. А как такие типы умеют ломать чужие жизни, Силь слишком хорошо знал на собственном опыте.

– Я закрываю глаза, когда ты проворачиваешь такое с обычными людьми. Но они же магосы!

– Значит, вдвойне опасны и уже привыкли к безнаказанности. Пусть теперь думают о своих поступках.

– Ты хоть знаешь, кто их бабушка?

Наверное, это была очень важная информация, которую следовало учитывать, но сейчас Силю не было никакого дела до генеалогического древа двух идиотов. Он торопливо прикидывал, сколько ещё продержится в адекватном состоянии. Выходило часов шесть. А до заката (и, соответственно, парома) оставалось около девяти. Паршиво.

– Ты – лицо управления! – выдвинула последний аргумент Леда.

– Лицо – вы. Я – руки и голова.

– У тебя не голова, а чурка безмозглая. Вот как выбью сейчас дурь-то!

У начальницы был тяжёлый характер, тяжёлый взгляд и тяжёлая рука. В последнем Силь уже не раз успел убедиться, поэтому когда сухонькая старушка потянулась дать ему затрещину, рефлекторно дёрнулся в сторону. И так голова болит, нечего усугублять подзатыльниками.

Но получилось только хуже – от резкого движения в глазах потемнело и пришлось хвататься за стол, чтоб не упасть.

– Александр, ты болван! – немедленно сменила тему глава управления. – Почему сразу не сказал, что тебе плохо?

– Потому что мне терпимо, – уклончиво ответил Силь.

– Сядь немедленно. – Леда толкнула подчинённого в сторону кресла и проконтролировала, чтоб он туда уселся. Силь честно попытался именно усестись, а не рухнуть. – Зачем вообще припёрся в таком состоянии?

– Сами вызвали!

– Да не ко мне, а на работу! Что ты тут забыл, страдалец? Марш домой немедленно. И Ирму возьми, пусть присмотрит за тобой, если что.

«Если что» следовало понимать как «если ты вырубись и не сможешь сам себе укол всадить», но старая ворчунья решила для разнообразия побыть тактичной.

– Какая разница, где за мной присматривать, дома или здесь? – возразил Силь. – Всё в порядке, я продержусь до вечера, а потом сразу поеду на паром.

– Точно продержишься?

Скорее всего нет, но окружающим об этом знать не обязательно, поэтому...

– Да, конечно. Без проблем.

– Врёшь! – уверенно заявила Леда. – Но оставлю это на твоей совести. Всё, иди уже с глаз моих. И не думай, что я забуду про вчерашнее. Оклемаешься – договорим. Так что не вздумай помереть, понял?

– Так точно, госпожа полковник. Разрешите исполнять? – Силь бодро вскочил с кресла и шуточно козырнул.

– Балбес, – вздохнула Леда. – Лисёнку привет передавай.

– Обязательно.

Силь умчался, а его начальница ещё некоторое время стояла посреди кабинета, печально разглядывая захлопнувшуюся дверь.

Мальчишка отлично научился притворяться. Если не знать – никогда не скажешь, что одной ногой в могиле. А то и двумя.

Леда пыталась об этом не думать, но оно думалось само, уже который год не давая покоя. Да, с их работой все ходят по грани, но Силь на этой грани просто поселился, и с каждым днём та сторона затягивала его всё сильнее. А ведь когда глава разведки впервые увидела это ясноглазое чудо природы, она не такой судьбы ему желала, совсем не такой.

Хотела спасти, сберечь.

Но жизнь распорядилась по-своему.

Старая разведчица ещё немного постояла, ругая себя за обострившуюся с возрастом сентиментальность, а потом решительно трянула седыми, но всё ещё густыми волосами и вернулась за стол, к работе. Дела не ждали, а сваливать их в ближайшие дни стало не на кого.

* * *

Путь от «ну... мы с одним человеком случайно зашли в одно место» до «мы с профессором Перфи по глупости влезли в старый особняк Эллертов» был суров и тернист, и для того, чтоб вытащить из Алины подробности, потребовался по меньшей мере час. Да и то Долан не был уверен, что юная магисса рассказала всё как есть. Не потому, что хотела что-то скрыть. Но могла же и забыть, и перепутать, и не придать значения действительно важным вещам.

– Значит, вы считаете, что на вас напал именно этот мужчина? – Долан ещё раз всмотрелся в фотографию.

Снимок был старым, не слишком чётким, но вот изображённые на нём люди выглядели очень знакомо. Всех их он допрашивал после памятного взрыва в лаборатории. То есть, разумеется, всех, кроме родителей Алины, погибших во время этого взрыва.

А ведь летом он почти поверил, что эта история закончилась со смертью Тивасара.

Ага, как же! Мечтать не вредно.

Только вот одно но...

– Алина, вы не могли видеть вчера этого человека. Он умер много лет назад.

– То есть как это умер? – удивилась девчонка. – Вчера живой был! Там, конечно, шрам в половину морды, жуткое зрелище, но на зомби всё равно не похож.

– Я видел его тело собственными глазами.

Точнее, то, что от него осталось, но о подробностях рассказывать, наверное, не стоило. Уж больно история вышла неаппетитная.

Параллельно с расследованием взрыва тогда всплыло ещё одно дело: в Фонде обнаружилось исчезновение каких-то документов. Причём в том же самом отделе.

Подробностей Долану не рассказали, потому что документы оказались действительно важными. Настолько важными, что милитов вежливо попросили не отсвечивать, а к делу подключили ребят из разведуправления.

Ребята из управления сработали с огоньком, причём в самом прямом смысле. Преступника нашли и даже почти поймали, зажали всё в той же многострадальной лаборатории, перекрыли выходы, предложили сдаться... А вот дальше версии разнились.

По официальным данным пресс-службы разведки, злоумышленник собственноручно взорвал реактивы вместе с собой.

По мнению представителей Фонда, участники группы захвата проявили преступную небрежность, сами виноваты во взрыве и теперь должны заплатить за восстановление помещения и погибшие в огне дорогостоящие арфактумы. И ещё какую-то там компенсацию за срыв рабочего процесса. (Куда после этого Леда послала представителей Фонда – история умалчивала).

В милитии же бурно порадовались, что их эти разборки не касаются.

Ну а Долан в это время просто проходил мимо и совершенно случайно увидел обугленный скелет с остатками плоти, который выволокли из-под развалин. Запах вокруг стоял такой, что аппетит отшибло на пару дней. Что поделать, молодой был, впечатлительный.

– Может, у него брат-близнец есть? Или ещё какой-нибудь похожий родственник? – не унималась Алина.

– Не знаю. Надо поднять документы и посмотреть. Может, и есть. – Долан сделал пометку в блокноте, чтоб не забыть. Мало было того дела, что Силь подкинул, теперь ещё и это. Если, конечно, речь идёт о двух разных делах, а не об одном общем. – Алина, простите, а вы на теле случайно след от укола не находили?

– Вроде нет. Не знаю, – встрепенулась девчонка. – Это важно?

– Нет-нет, – старательно успокоил Долан. – Просто думаю, могли ли быть другие причины для нападения кроме кражи. Вы ни с кем не ссорились в последнее время?

– Нет. – Алина так рьяно замотала головой, что сразу стало понятно – ссорилась, но не скажет. – А вдруг этот мужик не за мной охотился, а за Перфи? И в школе его сегодня не было. Я поэтому и пришла, в общем-то.

– Беспокоитесь за него?

– А что, нельзя? Он хороший человек, между прочим! – Во фразе явно чувствовался вызов, хотя Долан так и не понял, с чего такая реакция. Он вроде с девчонкой не спорил, да и против Перфи ничего не имел.

Тот действительно запомнился ему неплохим человеком – спокойным и мягким. Даже, пожалуй, слишком уж мягким, словно бы не имеющим собственного мнения и желающим всем вокруг угодить. Для магоса подобное поведение было не слишком типично, но всякое в жизни встречается.

С возрастом очкарик, видимо, пообтесался, научился кадрить студенток и лазить через заборы в заброшенные дома. Ну так и лет сколько прошло!

– Ладно, разберёмся, – вздохнул бывший милит. – И Перфи вашего тоже поищу. Но пообещайте мне в ближайшие несколько дней вести себя осторожно и за пределы школы не выходить. И сейчас никаких прогулок и задержек, сразу туда. Понятно? Сразу!

Долан поднялся, давая понять, что разговор окончен, но наткнулся на взгляд Алины и снова опустился на диван.

Взгляд был странным. Изучающим, удивлённым и грустным одновременно.

– Случилось что-то ещё? – спросил мужчина.

– Нет, просто. – Алина торопливо отвернулась. – Я думала, вы меня ругать будете.

Отругать, конечно, стоило, чтоб не ползала вечерами незнамо где и думала о последствиях. Но девчонка выглядела такой несчастной, что в голову пришло только «утешить и пожалеть».

Да ещё и утренние новости про убитого старика. Если бы не подозрения, что старик этот был носителем магии Устья, и если бы таким носителем совершенно точно не была сама Алина, Долан скорее всего списал бы всё произошедшее на обычную кражу. А то, что грабитель на давнишнего покойника похож – да мало ли, что испуганной девчонке в темноте померещилось!

Но прецедент был, и его следовало учитывать.

А Алине об этом не расскажешь, ещё больше испугается. Или того хуже, не испугается и полезет искать приключения с удвоенным энтузиазмом. С неё станется!

– Ругать вас дядя будет, когда вернётся, – решил Долан. – Хотя он тоже хорош! Сдал дом не пойми кому, не появлялся там ни разу, притон какой-то прошляпил. Этот человек вообще знает, что такое ответственность?

– Не уверена, – хихикнула Алина и вдруг погрузилась. – А вы обязательно ему всё скажете, да?

– А как же иначе?

– Ну... может, про дом расскажете, а что я там была – нет? Пожалуйста! Пожалуйста-пожалуйста!

Умоляющий взгляд, явно выработанный годами тренировок, на Долана не действовал, но в остальном он девчонку, конечно, понимал. Вместо того, чтоб дожидаться Ракуна и сходить в особняк вместе с ним, она ломанулась туда ночью с полужнакомым преподавателем, и теперь ей было отчаянно стыдно. И немного страшно, причём не за себя, а за своего спутника. Потому что родную племянницу магос, конечно, отчитает для приличия, но в целом не тронет, а вот несчастному Перфи может и морду набить. Некрасиво получится.

– Хорошо, госпожа магисса. Я подумаю о вашей просьбе, если обещаете хорошо себя вести и не прогуливать занятия. Только не надо врать, что вот прямо сейчас у вас совершенно случайно свободное время. Я ведь и проверить могу.

– Ладно, – вздохнула малолетняя прогульщица. – Я, наверное, действительно пойду. Не буду отвлекать от работы.

– Подождите, попрошу кого-нибудь свободного, чтоб проводил.

Лучше бы было, конечно, самому прогуляться, но гора дел ждать не могла. Теперь уж точно.

– Не надо, – отмахнулась Алина. – Тут идти-то десять минут по прямой. Обещаю, что не сверну с дороги до самой школы и буду очень осторожна. Я же не ребёнок и всё понимаю.

Долан хотел, конечно, возразить, что очень даже ребёнок. Маленький непоседливый человечек, которому ещё многое предстоит узнать о жизни и людях.

Но девчонка уже умчалась. В куртке, естественно.

Глава шестая, в которой герои игнорируют здравый смысл

Подготовка к балу оказалась крайне утомительным занятием. Нина попыталась вспомнить, когда она в последний раз проводила столько времени в парикмахерском кресле, и пришла к выводу, что никогда. Даже на выпускной её причёска выглядела намного проще. На Алинкин выпускной, разумеется. На свой собственный она вообще пришла с косой до пояса и в платье старшей сестры.

Тут хотя бы тащиться никуда не пришлось. Парикмахер пришёл сам – им оказался здоровенный молчаливый мужик, причём абсолютно лысый. У него даже бровей не было!

Этот странный тип добросовестно изучил представленное платье, пару минут подумал, а затем усадил Нину посреди малой гостиной и начал священнодействовать, даже не потрудившись объяснить, что собирается сделать. Ближе к концу священнодействия в комнату влетел Ракун с мокрыми волосами, бутылкой шампуня и воплем:

– Где эта рыжая зараза?

– Со вчерашнего дня не видела. – Поворачивать голову, когда над ней звонко щёлкают ножницы, Нина опасалась, а магос, как назло, устроился где-то за спиной. – Что, опять корица?

– Хуже! Кофе!

– А ты не пробовал нюхать шампуня до того, как выливать их на голову?

Ракун фыркнул не хуже своего мохнатого тёзки, но как-то задумчиво. Видимо, такая простая мысль ему в голову не приходила.

– Ладно, выветрится, – решил наконец он. – А что у нас с завтраком?

– Он был несколько часов назад, но когда я пыталась тебя разбудить, ты швырнул в меня подушку.

– Попал?

– Не докинул.

– Старею, видимо... – притворно вздохнул магос, хотя до старости ему было ещё далеко.

А если судить по поведению, то она ему вообще не грозила. Нина всерьёз подозревала, что дурачиться и вести себя как сумасбродный подросток этот человек не перестанет никогда. – Пойду выпрошу у Хильды чего-нибудь вкусенького. Тебе захватить?

– Спасибо, не надо.

Несмотря на то, что позавтракала Нина довольно скромно, обедать она вообще не собиралась, опасаясь не влезть в новое платье.

Оно, к счастью, было без корсета, кринолина и прочих средневековых наворотов. Обычное вечернее платье, длинное, струящееся и такое на вид притягательно-шоколадное, что есть хотелось от одного только его цвета. И именно поэтому пришлось посадить себя на внеплановую диету, чтоб не испортить внешний вид лишними складочками.

Уж лучше бы корсет, тот хоть утянуть можно! А тут ткань тонкая, всё на виду.

– Готово, – объявил парикмахер, и это было, кажется, первое слово, которое он произнёс за последний час.

Нина встала и осторожно подошла к зеркалу, боясь разрушить ту неведомую конструкцию, которую навертели на её голове. Фантазия охотно подсовывала нечто совсем уж невообразимое, разноцветное и фигурное, как в исторических фильмах, но всё оказалось куда ближе к современности: волосы подняли вверх и уложили аккуратными кольцами, а по бокам от лица опускалось несколько свободных локонов. Смотрелось всё это довольно просто, но на

самом-то деле Нина прекрасно знала, сколько там шпилек и прочих мелких заколочек, которые теперь ненавязчиво переливались и сверкали в солнечных лучах.

– Сойдёт, – прокомментировал Ракун, вернувшись в гостиную. Бутылку с шампунем в его руках заменил здоровенный бутерброд, который магос с удовольствием уплетал. – А теперь одевайся и поехали. Машина ждёт.

– Уже? Я думала, бал вечером. – Нина так удивилась, что даже обидеться забыла. На бурные комплименты она, конечно, не рассчитывала, но уж на дежурное «хорошо выглядишь» можно было и расщедриться!

– Вечером. Но всё будет происходить за городом, а туда ещё добраться надо. Так что у тебя есть полчаса. Успеешь?

Нина успела. И в платье влезть, и накраситься, и даже несколько минут подождать, пока Ракун наконец-то соизволит появиться из соседней комнаты. Было чисто по-женски интересно, что он наденет.

Магос вышел в парадной форме разведуправления. И эффект от этого был куда круче, чем от воображаемого сюртука со стразиками. И даже не потому, что лучше, чем сейчас, Ракун выглядел только вообще без одежды.

Форму Нина видела не раз, но отдельно от владельца. Она висела в шкафу, задвинутая вглубь и почти незаметная за остальными вещами, и, похоже, надевали её один раз в жизни, да и то во время примерки.

Свою службу в разведке Ракун скрывал так тщательно, что его гражданские знакомые были уверены, что магос вообще нигде не работает или занимается чем-нибудь откровенно противоправным, типа контрабанды. Контрабандой он, к слову, действительно иногда занимался, но исключительно по служебной необходимости.

– Ты серьёзно собираешься так идти? – удивилась Нина, осторожно проводя рукой по чёрной ткани.

– А что? Она чистая... вроде бы...

– Нет, не о том речь. Всё прекрасно, и тебе очень идёт, но... это же вроде тайна.

– Уже нет, – легкомысленно отмахнулся магос. – Меня переводят на кабинетную работу. Буду сидеть в управлении и перекладывать бумажки. И изредка выбираться в скучные, очень официальные и совершенно безопасные командировки. Ты рада?

Наверное, Нина должна была обрадоваться. Просто обязана была обрадоваться тому, что не придётся волноваться из-за постоянных отлучек магоса и просыпаться ночами от дурацких кошмаров, в которых его избивают, пытаются или режут на кусочки.

Но вслух она почему-то сказала совсем другое:

– Это Силь решил?

– Это я решил, – возразил Ракун. – А он согласился. И не надо на меня так смотреть.

– А как я на тебя смотрю?

– Как будто я сделал что-то не то.

– Извини, – потупилась Нина. – Я рада, честно. Очень рада. Просто как-то это слишком внезапно. И я вообще не представляю тебя возящимся с бумажками. Ты же со скуки помрёшь!

– Ничего, как-нибудь справлюсь. Улыбнись же, ну!

Сам магос лыбился во все тридцать два зуба, у него явно было отличное настроение, и портить его категорически не хотелось. Но если не сказать сейчас, то когда?

– Я просто не хочу, чтоб ты делал такие вещи ради меня. Я действительно переживаю, когда ты уезжаешь, и мне очень хотелось бы, чтоб ты занимался чем-нибудь менее опасным и более спокойным. Это правда. Но не надо ломать себя в угоду мне. Я люблю тебя таким, какой ты есть.

Ракун расхохотался.

Нина опешила. Она ожидала любой реакции не свои слова, но никак не того, что мужчина начнёт ржать, как ненормальный, а потом вдруг резко притянет её к себе и обнимет. Поэтому она просто застыла, пережидая, пока бурная фаза эмоций закончится, и надеясь, что платье не помнётся.

– Правда любишь? – спросил магос, отсмеявшись.

– Ну да. А что в этом такого?

– Просто ты никогда об этом не говорила.

– Ты тоже.

– Разве? – Ракун задумался, но, видимо, так и не выудил из памяти опровержения. – Ладно, я тоже тебя люблю. И расслабься, выхухоль, это не из-за тебя вовсе. То есть не только из-за тебя. Я слишком много где засветился за последние годы. Нет смысла хранить тайну, если её знают во всех ближайших мирах. А для дальних всё равно нет никакой разницы, в чём я хожу, они вообще о моём существовании не знают.

– А при чём тут дальние? – удивилась Нина. – Разве управление не только по первому витку работает?

– Официально – да. Но неужели ты думаешь, что разведка всегда работает официально?

Честно говоря, Нина вообще об этом не думала. Точнее, старалась не думать, просто потому, что есть ситуации, когда много знать не просто вредно, а ещё и смертельно опасно. А она и так знала гораздо больше, чем положено. Про того же Силя, например...

– Господин Эллерт, машина вас ждёт. – Напомнил появившийся в дверях дворецкий. – Госпожа Александра, позволю заметить, что вы прекрасно выглядите.

– Спасибо, – смущённо улыбнулась Нина, принимая комплимент. Хоть кто-то оценил. А то от этого енота разве дождёшься!

Но, кажется, этот енот только что признался ей в любви. И ради этого стоило терпеть и выбор платья, и парикмахерские изыски, и предстоящий бал, будь он неладен.

* * *

Обещания Алина старалась выполнять, поэтому действительно дошла от управления до школы, никуда не сворачивая. И даже на паре занятий отсидела. И учебник по истории почитала. И на кафедре географии заглянула, чтоб успокоить совесть.

Перфи за это время, конечно, так и не появился.

«У него просто выходной», – сама себе напомнила студентка, но внутри всё равно царяло беспокойство.

Чтобы заглушить неприятное чувство, она ещё немного покружила по школьному двору, по парку, вокруг корпусов... Корпусов было много, куда больше, чем требовалось для обучения. Впрочем, не все они были учебными. К некоторым зданиям студентов даже близко не подпускали, да и преподаватели проходили туда только по специальным пропускам и после тщательного досмотра.

Потому что школа на самом деле была совсем не школой. Она была институтом. Научно-исследовательским институтом изучения и контроля магического потенциала, крупнейшим в этой сфере. Ну, по крайней мере, официально считалось, что крупнейшим, хотя Фонд распределения камней регулярно пытался это звание оспорить и заодно переманить самых талантливых магов и учёных к себе.

Алина попыталась представить, что было бы, если бы её родители не работали в этом самом Фонде. Уцелели бы они, или Тивасар в своём стремлении добраться до нужного камня придумал бы другой способ убийства? И как бы тогда сложилась её собственная жизнь?

Задумавшись, она не сразу заметила вдалеке человека. Он шёл по дорожке от одного из дальних корпусов (того самого, с пропусками) и, в общем-то, ничем особо от окружающих не отличался, кроме одного – он был в плаще с капюшоном. Причём не в обычном весеннем плащике, в каких пол-Истока разгуливало, независимо от пола, а в классическом таком фэн-тезийно-средневековом плаще, чёрном, длинном и даже немного развевающимся.

Откровенно пялиться на незнакомца было неприлично, поэтому Алина пристроилась за деревом и поглядывала украдкой, пытаясь представить, кто может скрываться под такой экстравагантной одеждой: студент, препод, просто какой-нибудь местный учёный или гость из другого мира?

Но вот чего она не ожидала, так это того, что случайный порыв ветра, откинувший с головы мужчины капюшон, обнажит неожиданно знакомое лицо. То самое, со шрамом во всю щёку.

Теперь Алина была точно уверена, что ей не привиделось. Какие могут быть видения, когда напавший на тебя человек бодро марширует через парк к выходу в город и никого, похоже, не боится. Хотя нет, если бы совсем не боялся – не прятал бы лицо.

Вот в такие моменты особенно остро не хватало телефона: позвонить Долану или, например, сфоткать этого шрамированного типа в качестве доказательства. Оставалось только одно: проследить за ним самостоятельно. В конце концов, безвылазно сидеть на территории школы Алина не обещала!

У милитской формы было очень полезное свойство: встроенная система камуфляжа. По крайней мере, Алина называла её именно так.

Человек, надевший куртку, не становился невидимым или прозрачным, но магическим образом терялся на фоне окружающего пейзажа. Сама куртка терялась тоже – её можно было надеть даже на вечернее платье, и окружающие не заметили бы никакого подвоха, приняв верхнюю одежду за какой-нибудь модный кардиган.

Сейчас эта полезная функция пришлась как нельзя кстати: девушка старательно застегнулась на все пуговицы, подняла воротник до самого носа и направилась за незнакомцем.

Тот шёл быстро, широким размашистым шагом, и Алина едва поспевала следом. Держаться слишком близко к преступнику она опасалась (куртка всё же не панацея), но и чересчур отставать не хотела, мало ли куда он свернёт. Поэтому приходилось перемещаться короткими перебежками от одного перекрёстка до другого.

Солнце клонилось к закату, с Реки тянуло сыростью и туманом, а из порта раздавались предупредительные гудки, возвещающие о скором отправлении парома. Вот туда, в порт, незнакомец и направлялся. Уверенно прошёл к зданию речного вокзала, отстоял короткую очередь в кассу, сверился с часами и, уже не торопясь, двинулся к нужной пристани.

Их было несколько, как и паромов. До ближайших витков транспорт ходил ежедневно, а вот чтобы попасть в родной двадцать третий пришлось бы ждать нужного рейса не меньше недели. Но так далеко преступник ехать не собирался, его вполне устроила вывеска с цифрой «один», под которой уже скопилась приличная толпа. Там же крутился билетёр в здоровенных очках с толстыми зелёными стёклами, и зыркал он из-под этих очков так, словно видел пассажиров насквозь.

Скорее всего, действительно видел: очки явно были довольно сильным арфактумом, и никакая милитская куртка от них не спасала. Алина, конечно, попыталась незаметно просочиться сквозь толпу, но была сразу же остановлена суровым окликом:

– Эй, куда без билета?

– Извините, я задумалась... – смущённо пробормотала девушка, отбегая подальше. Не хватало ещё, чтоб на неё обратила внимание охрана.

Денег на билет у Алины конечно же не было. Она вообще понятия не имела, сколько он стоит, но подозревала, что немало. Некоторые на поездку в другой мир годами копили.

А незнакомец тем временем уже поднимался на борт по деревянному трапу. Сейчас умоляет в Викену, а оттуда куда-нибудь ещё – и ищи его потом по всем мирам! С таким квестом даже Долан не справится!

С парома раздался ещё один длинный гудок, до отправления осталось всего десять минут. За это время даже до управления не добежать. Да если бы и можно было добраться – что они сделают? Рейс же ради грабителя не отменят.

Больше всего Алина сейчас жалела о том, что не умеет перемещаться по Реке самостоятельно. Ну что ей мешало попросить Ракуна, чтоб научил? Он-то по несколько раз в неделю туда-сюда мотается!

– Билетик надо? – Длинный сутулый мужик непочтительно дёрнул девушку за рукав.

– Да, но... – только и успела начать Алина, а её уже оттащили подальше от толпы и развернули перед носом целый веер из разноцветных билетов.

– Есть в четырёхместную каюту, есть в отдельную, в общий зал...

– Извините, вы неправильно поняли. У меня нет денег. – Девушка попробовала улизнуть от перекупщика, но тот не собирался отступать.

– Только для вас, достопочтенная магисса, двенадцать. Правда, стоячий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.